

Конкурс фантастики
«КВАЗАР»

ИЗБРАННЫЕ

Морская и романтическая
фантастика

«Солёные паруса»
2016

Конкурс Квазар

Коллектив авторов

**Избранные. Морская и
романтическая фантастика**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Избранные. Морская и романтическая фантастика / Коллектив авторов — «Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-838677-0

Состав сборников «Избранные» определяется тайным голосованием среди участников открытых конкурсов фантастики, проводимых на площадке «Квазар». Каждый выпуск в серии формируется по итогам одного из таких тематических конкурсов, здесь вы найдёте рассказы, написанные как молодыми, так и опытными авторами, и признанные большинством читателей наиболее примечательными среди прочих. Книги серии характерны и наполнены увлекательными историями, способными как следует разнообразить ваш литературный досуг.

ISBN 978-5-44-838677-0

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Между	7
Ожерелье из ракушек	17
Размен	27
Новгородский Орфей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Избранные Морская и романтическая фантастика

Составитель Алексей Жарков

Иллюстратор Александр Павлов

Иллюстратор Илья Обьедков

Дизайнер обложки Алексей Жарков

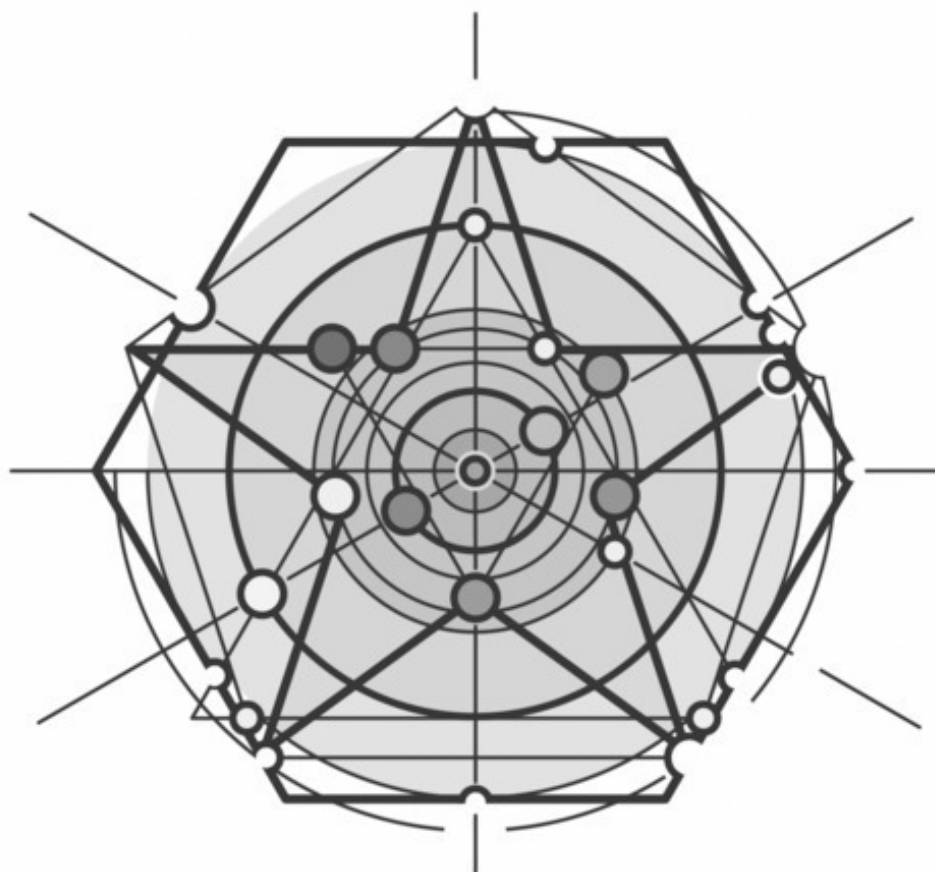
© Александр Павлов, иллюстрации, 2017

© Илья Обьедков, иллюстрации, 2017

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8677-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Между *Александр Подольский*

Каменный столб рос прямо из глубины. Верхушка, точно перископ, едва показывалась над водой. Настя прижалась к холодной глыбе, ухватила за штырь и прикрыла глаза. Шум волн, брызги в лицо, крики птиц... Нет, она не умерла. Пока еще нет.

– Откашляйся, подыши.

Женский голос откуда-то сверху. Спокойный, заботливый. Таким хорошо убаюкивать перед сном, и Насте сейчас больше всего на свете хотелось отдаться течению и уснуть. А уже потом, очнувшись у себя в каюте, рассказывать подругам о ночном кошмаре.

– Но из воды вылезай. Здесь беспокойно.

Голова кружилась, картинка перед глазами плясала, роняя небо на воду. Солнечные лучи отражались в волнах и ослепляли, расползались по морю и дорожкой уходили в чашу облаков у горизонта. Столба было три. Все они на полметра выступали из воды и скрывались в черной бесконечности внизу. На столбе слева стоял тучный мужчина в одних шортах, бритая макушка сияла на солнце, как ангельский нимб. Взгляд толстяка жадно перепахивал волны, будто оттуда вот-вот должна явиться спасательная подлодка. Женщину из-за двух заплетенных рыжих косичек, драных джинсов и домашней кофты веселенькой расцветки можно было принять за студентку, но ее выдавало лицо – измученное, тронутое морщинами. Она сидела на столбе справа, по голень опустив ноги в воду.

– Живая?

Настя оперлась на металлический штырь и взобралась на свободный столб. Присела, осмотрелась.

– Пока не знаю.

Море было повсюду, темно-синие волны лениво переваливались друг на друга и что-то шептали. Посреди треугольника из столбов высилась труба. В метре от верхушки на нее был насажен железный диск, точно здоровенная гайка. А от него на глубину уходила цепь.

– Ничего не понимаю, – удивилась Настя, – а где корабль и остальные? Берег же рядом был...

– С «Софии»? – спросила рыжая, умывая осыпанное веснушками лицо.

– Откуда же еще?

– Так, ну-ка все дружно завалили матюгальники, – перебил мужчина, – опять эта сука плывет. Вынимайте грабли из воды и не кудачтайте.

Настя недоуменно посмотрела на толстяка, но тут же вытянулась на столбе во весь рост. Потому что в воде мелькнул акулий плавник. Когда жуткая рыбина всплыла в треугольник, уголки ее глаз, открытая пасть, ряды огромных зубов оказались так близко, что до них можно было дотянуться. Брызги облизывали пальцы ног, а Настя пыталась не грохнуться со скользкой поверхности – ее ступни едва уместились на верхушке столба. Обогнув трубу, акула ушла вниз, оставив лишь круги на воде.

Прошел час. Настя смотрела в воду, с трудом узнавая себя в отражении – прическа развалилась и торчала темными прядями во все стороны, лицо стало бесцветным, что только подчеркивало природную худобу и острые скулы. Если бы не красивая униформа с вышитым названием корабля, ее легко можно было принять за привидение.

– Сколько в зеркальце не смотришься, морда лица ровней не станет, – засмеялся толстяк.

Настя боялась свесить ноги в воду, но силы оставили ее. Усевшись на столб, она подтянула к себе короткую цепь, которая проросла из каменной глыбы и заканчивалась раскры-

тым наручником. Точно клешня неведомого существа. Такие же кандалы болтались на воде у других столбов.

– Что это за место? Кошмар какой-то.

– А что не так? – спросил толстяк и улыбнулся. – Не любишь садо-мазо?

Настя показала ему средний палец.

– В дырке им у себя покрути, костлявая.

– Да пошел ты, мудак, – не выдержала Настя. – Видимо, наручники для тебя и оставили.

Толстяк заржал.

– Они без замков, – сказала рыжая, смыкая наручник вокруг звеньев и тут же размыкая. – Самой можно освободиться. Попробуй, пристегнись. Как ни странно, успокаивает.

– Ну уж нет, спасибо.

– Все равно бутафория.

– Как-нибудь в другой раз. Меня сейчас должны растолкать и сказать, что корабль прибывает в Палермо. И не было никакой катастрофы и тем более вот этих вот столбов.

– Хорошо бы... Но я думаю, что с Италией можно попрощаться.

Под недобрый взгляд Насти рыжая отвернулась и уставилась туда, где солнце царапало линию воды. Ветер гнал облака в неизвестном направлении, вокруг становилось темнее. Море почернело, теперь подводная часть столбов едва просматривалась. Вокруг плескалась мелкая рыба.

– А знаете, что я вам скажу, дорогие мои бабы? – почесывая голый живот, проговорил толстяк. – Мы с вами в глубокой жопе, хотя это вы и без меня поняли. Самое смешное другое: я никогда не был ни в Италии, ни на вашей сраной «Софии». Я вообще невыездной.

Девушки переглянулись. Настя хмыкнула и покрутила пальцем у виска.

– Можете не верить, но мне незачем вам тут в уши ссать. Наш теплоход плыл по Волге с песнями и плясками, все чин чинарем. А потом вдруг стал переворачиваться. Без понятия, что за херня там произошла. Помню, как грохнулся башкой – и привет. А вынырнул уже тут. Вот вам и Италия, пропади она пропадом со всеми макаронами.

Цепь, болтавшаяся все это время у трубы, дернулась, натянулась, лязгнула металлом о диск. Поползла в сторону столба с Настей, затем обратно. Словно секундная стрелка часов, она описала круг у столбов и вернулась к трубе. Теперь цепь вновь висела посреди треугольника, как оставшийся после собаки поводок. Однако по ту сторону был кто-то живой. И теперь он проснулся.

* * *

Бородач гнал собак вперед. Они выбивались из сил, но бежали сквозь снежные брызги, через метель туда, где под светом красной луны виднелись четыре высокие тени. Сани скользили по замерзшему морю, а собачий лай разгонял призраков безжизненной пустыни.

Мальчик спал. Ледяной ветер кусал псов, лицо бородача, но пробраться под слои медвежьих шкур ему не удавалось.

Они миновали черные остовы кораблей в тисках льда – фантомы с той стороны. Их оказалось больше, чем в прошлый раз, а значит, все сильнее становился перевозчик. Но даже он не смел нарушить законы этого места. И люди могли его остановить.

Нужно было торопиться. Красная луна зажглась еще вчера, открыв путь. Бородач до сих пор не мог поверить, что выбор пал на его мальчишку, совсем еще ребенка. Хотя мужчинами тут становились гораздо раньше, да и само время шло по-другому. Но каждый раз встречая красную луну, бородач раздевался и выходил к чистому снегу в надежде найти на теле знаки. И каждый раз не находя их, молился, чтобы они не тронули его семью. Когда знаки пришли к сыну, стало понятно: молитвы море больше не слушает.

* * *

Рыжая назвалась Юлей, а толстяк Миллером. На вопрос о немецких корнях он ответил предложением взглянуть на его могучий корень, и Настя послала шутника куда подальше. Она удивлялась, как этого урода терпит Юля, которую тот называл Пеппи. Хотя ситуация и без того была сложная, не хватало только друг с другом собачиться.

С наступлением ночи море успокоилось. Не слышались случайные всплески, затихли волны, исчезли и птицы, если днем они не почудились. Над забытой в мировом океане троицей зависла огромная луна, налитым кровью глазом наблюдая за тенями у столбов. Цепь больше не шевелилась, поверхность моря не рассекали плавники. И это всех устраивало.

– Интересно, нас уже начали искать? – спросила Юля, потирая плечи.

– Должны, – ответила Настя, прижимаясь к столбу ногами, чтобы не упасть. Сон так и манил в свои объятия, обещая возможность проснуться совсем в другом месте. В нормальном человеческом мире.

– Дуры вы сиреневые, – беззлобно буркнул Миллер, – все в сказки верите.

Он закричал и с трудом поднялся. Повозился с шортами, и в воду ударила струя.

– Фу, – поморщилась Настя, – ты всегда такой мерзкий?

– А ты, костлявая, мне предлагаешь отплыть в сторону, чтобы никого не смущать? – с улыбкой произнес Миллер, пряча хозяйство в шорты. – Я не самоубийца. Наше дело поросячье – обоссался и стой.

Настя покачала головой и решила не продолжать разговор. Миллер походил на типичного бандюка, а от таких можно ожидать чего угодно. Раз уж он оказался не обезображен воспитанием, лучше вообще никак не реагировать. Юля молчала, массируя виски. Она говорила мало, короткими фразами. Из нее так и сочилась усталость. Под светом этой странной луны рыжая копна выглядела сотканной из огня.

– Юль, а вы долго тут одни торчали?

– Нет. Я приплыла первой. Часа через два он. Ну и ты почти сразу.

– А сама ты откуда?

Юля обернулась, в темноте блеснули глаза.

– Говорила же. С «Софии».

– Нет, я про город, – пояснила Настя, поднимаясь и разминая кости. – Я вот из Питера. Сделала себе отличный подарок на день рождения – устроилась на работу мечты. Пускай обслуживающим персоналом, зато отличная зарплата, путешествия, море, романтика... Эх. Контракт на восемь месяцев, и в первом же плавании такое.

– Да уж. А я из Новосибирска. Из Академгородка. В кои-то веки решила отдохнуть по-человечески. Копила долго. Ну и вот.

– Да насрать на вашу географию, – как всегда элегантно влез Миллер. – Вы лучше подумайте, что мы тут есть будем. Помню, обожрался я как-то морепродуктов, а потом так дрисстал, что чуть сатана из жопы не вылез. Еле отцепился от меня этот лисий хвост.

Ночь тянулась слишком медленно. Укрывшись за тучами, в темноте растворилась луна. Со сном каждый боролся по-своему: Настя делала подобие зарядки, Юля с головой окуналась в холодную воду, а Миллер травил похабные анекдоты, пару раз даже пробудив смех у спутниц.

Они заметили черную махину чуть поодаль от столбов, когда луна вновь раскрашивала море красноватым сиянием. Поверхность пересекало длинное тело, рассыпая брызги вокруг.

– Красавец! – воскликнул Миллер.

Кит выстрелил в черное небо фонтаном воды и ввинтился в море. Настя с улыбкой провожала глазами уходящего в ночь гиганта, который периодически выглядывал из пучин и разгонял тишину причудливыми звуками. Его песня казалась грустной, словно он тоже потерялся

посреди этого бесконечного массива воды и пытался позвать близких. Но ответа не было, и вскоре до Насти доносился только шелест волн.

* * *

Столбы были метров под сто высотой, но сейчас бородача больше интересовала труба. Вокруг нее он разложил дрова, мох, кости животных, сверху насыпал щепок и облил все тюленьим жиром. Мальчик проснулся и встал с саней, когда бородач высекал искру. Он был совершенно голый, снежные колючки царапали кожу, на которой дышали раны. Знаки. Ему оставалось недолго, и он это знал. Червоточины покрывали все тело, меняя облик ребенка.

Залаяли собаки. Бородач повернулся и увидел свет. Вдалеке, у черной кромки льда, двигались огни факелов. Перевозчик. За его упряжкой змеились цепи. Он направлялся к открытой воде, к треугольникам, чтобы вновь попытаться вывести свою лодку в реальный мир. К людским водоемам.

Огонь принялся за подношения. Бородач присел у костра, рядом пристроился мальчик. Лепестки огня хватали снежинки и растапливали их в черном мареве. Дым под красной луной приобретал кровавый оттенок. Отец и сын ждали.

* * *

– Эй, Пеппи, ты у нас глазастая? Ну-ка, глянь туда. Не мерещится ли мне?

– У меня имя есть, вообще-то.

– Ты лучше не языком чеши, а гляди, куда показывают, – не унимался Миллер. – Это ж корабль! Точно, а?!

При слове «корабль» вскочила и Настя. В темноте действительно что-то двигалось. Издалека неразборчивой кляксой к ним приближалось черное судно.

– И вправду корабль... – отозвалась Юля. – Только... почему без огней?

– Электричество кончилось? Лампочки перегорели? Спички детям не игрушки? – сочинял на ходу Миллер.

– Не знаю. Не нравится мне это.

Настя с Миллером принялись кричать, прыгать на столбах, звать на помощь. Они срывали голоса, но на корабле никак не реагировали. Теперь его можно было рассмотреть получше и убедиться, что он на самом деле мертвый. Ни единого огонька на борту, ни души на палубе, ни шума двигателей. А еще цепи... Ржавая громада была опутана цепями.

– Вот же паскудство... Значит, надо самим плыть. Если прохлопаем момент, то никогда эту посудину не догоним. Тут всего-то полсотни метров пилить!

Настя перевела взгляд на Миллера, затем на корабль. Тот шел по прямой и скоро должен был поравняться с треугольником. Но что там на борту?..

– Лучше остаться тут, – сказала Юля. – Эта махина нас раздавит.

– А здесь нас со всем говном сожрет акулы. Я точно валю, а вы как хотите. По цепям наверняка можно вскарабкаться. Или тебе, Пеппи, в кайф на этой каменной елде куковать?

– Я просто...

– Ты просто Пеппи, я понял. С тобой каши не сварить.

– Я поплыву, – неожиданно сказала Настя. Ее трясло, ноги подкашивались.

– Вот! Это по-нашему!

Настя посмотрела на трубу. Цепь не шевелилась. За черной водой не было видно ровным счетом ничего.

– Ну что, тощая, – ощерился Миллер. Казалось, этот отвратительный тип никогда не унывал, – как говорится, кого сожрет акула, тот в море больше купаться не будет? Готова?

– Нет.

– Вот и отлично. Бомбочкой!

Миллер плюхнулся в воду с захватским криком, с брызгами. Следом прыгнула Настя. Когда она вынырнула на поверхность и стала нагонять Миллера, до нее долетел лязг цепи.

– Стойте! – крикнула Юля будто бы с другой планеты.

Настя очень хорошо плавала, поэтому поравнялась с толстяком Миллером довольно быстро. А еще ее подгоняла цепь, металлическим хвостом тянувшаяся прямо за ними. Вода вокруг забурлила и вспенилась. Едва почувствовав прикосновение снизу, Настя набрала воздуха в легкие. Тварь дернула с такой силой, что чуть не оторвала ногу. Захлебываясь, судорожно перебирая конечностями, Настя открыла глаза. В черном вакууме двигалось чешуйчатое существо. В облаке пузырей кувырчался Миллер, воду рассекала цепь. А из глубины поднимались лица. Тысячи лиц.

Настя вынырнула на поверхность, вдохнула и зашлась в кашле. Тварь утащила ее обратно к столбам. Рядом матерился Миллер. Красная лунная дорожка перечеркивала треугольник. Настя вскарабкалась на столб и взглянула вслед кораблю. Тот быстро удалялся от них, а потом вдруг накрепился и бесшумно ушел на глубину. Сгинул в одно мгновение, будто всем он лишь приснился. По морю прошла рябь, задрожали столбы. Над водой пронеслось протяжное урчание.

– Что это за море, которое пердит, как сраное болото?! Что это за место вообще?!

Юля заплакала, Настя подняла голову к луне. Никто Миллеру так и не ответил.

Рассвет прогнал страхи, но теперь здесь веяло безнадежностью. Все понимали, что им не выбраться. Цепь как ни в чем не бывало обвилась вокруг трубы, подводная тварь затихла на глубине. Солнце обещало издевательски хороший денек.

У Миллера наконец остановилось кровотечение – во время ночной суматохи он распорол бровь о столб. Не без помощи их нового друга.

– Да не хотел нас угробить этот ихтиандр, зуб даю. Он даже кильку какую-то от меня отогнал, могла ведь и сожрать. Хотел бы убить – утопил давно. Похоже, ему надо, чтоб мы тут заседали.

Он сплюнул в воду и потер рану.

– И ведь не для прикола он меня рылом в столб ткнул. Там на небольшой глубине какие-то надписи были или рисунки. Прямо на столбе вырезанные, типа как на пирамидах этих. Не видно ни манды, зато рожа почувствовала будь здоров.

Миллер нырять отказался, Юля вообще никакого интереса к новости не проявила, так что Насте пришлось все делать самой. Нужно было разобраться. Хотя призрачные лица в воде до сих пор стояли перед глазами и пугали ее не на шутку. Не говоря уже об акулах.

Настя погрузилась под воду и стала изучать изображения, высеченные на гранях столба.

Два овала моря наплывали друг на друга, образуя восьмерку. Фигуру перечеркивали четыре вертикальные линии – очевидно, столбы с трубой. Сросшееся море казалось живым существом – в центре рисунка, точно исполинское око, находился клубок цепей-щупалец, которые расползались по воде и обволакивали столбы. Роль зрачка в этом чудовищном глазу выполняло изображение лодки.

Настя выныривала, делала вдох и возвращалась к рисункам, с которых приходилось соскабливать водоросли. И с каждым погружением общая картина становилась чуть яснее.

По обе стороны столбов были люди, причем те, что снизу, изображались сверху ногами. Это напоминало детские рисунки Земли, где жители другого полушария всегда оказывались вверх тормашками. Перевернутые человечки жгли костры, молились и как будто привязывали кого-то к трубе.

На следующей серии рисунков лодка, связанная с системой цепей, плыла сквозь многочисленные треугольники на воде. Ползла через свои владения, будто паучиха, проверяющая

паутину. Люди со столбов прыгали в лодку, и когда на треугольнике никого не оставалось, тот уходил на глубину. А цепи рассыпались. В конце концов все треугольники исчезали, лодка полностью освобождалась от цепей и переплывала в новое море. Оно также было изображено в форме овала, только вместо столбов внутри угадывались очертания земных континентов. И вся вода была наполнена человеческими лицами.

* * *

Прорубь открылась, и в черной воде мелькнуло лицо бородача. Он схватился за рычаг на трубе и с силой его опустил. Заскрипели древние механизмы, труба завибрировала. Мальчик подошел ближе и посмотрел в темный провал. Мелкие льдинки расступились, и из воды выскочил металлический диск. Он звякнул у перемычки наверху и застыл. В прорубь от него уходила массивная цепь. Бородач надел варежки, перехватил звенья и потянул. Подключился и сын. Вдвоем они тащили страшный улов, скользили по льду, упирались и снова тянули, пока не достали из черной воронки тело. Души от него мало что оставили, но кости сохранились, кое-где просматривалась и чешуя.

Бородач вынул из кармана ключ и снял с трупа ошейник. Оттащил тело в сторону и накрыл шкурами. Теперь предстояло самое трудное.

Мальчик подошел сам, уже готовый исполнить предназначение. Бородач очистил ошейник в снегу и сомкнул оковы на шее сына. Регуляторами подогнал их под меньший размер, зафиксировал ключом и проверил цепь. Все держалось как надо. Конструкция была такая, что самостоятельно освободиться невозможно.

– Я... – промямлил бородач. – Я не знаю, что сказать.

Мальчик кивнул. Червоточины на его теле расширились, сквозь кожу лезла чешуя, зрачки меняли цвет и форму. Бородач обнял сына и подошел к рычагу.

– Прости. Это из-за моих грехов. Надеюсь, следующим буду я.

Он вернул рычаг в вертикальное положение, и диск с большой скоростью помчался вниз по трубе, увлекая на глубину и цепь. Когда произошел рывок, мальчик уже наполовину погрузился в прорубь.

* * *

Настя раскрыла наручник. Потянула к запястью и стала потихоньку сводить металлическую клешню. Притормозив, оглядела остальных. Юля будто в трансе наблюдала за процессом, по ее щекам текли слезы. Миллер покачал головой.

– Не дури, тощая.

Настя опустила взгляд на руку – кисть все еще свободно вынималась.

– Давай уже! – закричала Юля. – Тупая ты сука, давай!

Настя бросила цепь, и та повисла у столба, как оторванный телефонный провод.

– Нет! – Юля едва не перешла на визг. – Я не останусь! Хватит! Я больше... только не я... не я...

Солнце забралось на самую верхушку неба, просвечивая облака насквозь. В белоснежных зарослях появились вороны, наполняя тишину гулким карканьем. Ветер обдувал узников столбов и играл цепями.

Когда Юля успокоилась, Миллер заговорил:

– Давай, Пеппи, рассказывай. Что за срань тут творится?

– Он придет сегодня ночью. Лодочник. Захочет забрать всех троих. Потому что все мы должны были умереть. Может, и умерли, не знаю. Но раз попали на треугольник, значит, есть

шанс. Значит, море решило, что нам еще рано. Вы видели их? В глубине? Вот они точно умерли. А мы...

– Пеппи, тебе голову напекло?

– Я пыталась утонуть. Дома. Просто легла в ванну в этой самой одежде и стала захлебываться, пока не навалилась темнота. Никаких кораблей, как вы понимаете. Но это море дало шанс все осознать. Понять свою ошибку. И сделать что-то важное, ведь не просто так мы здесь.

– А я-то думал, это меня об столб шарахнули.

Юля грустно усмехнулась.

– Наверное, это место – что-то вроде чистилища для утопленников, не знаю. Но чем бы оно ни было, его надо обязательно сохранить.

– Так ты не с «Софии»? – спросила Настя.

Юля покачала головой.

– Нет, прости. Название корабля на форме прочитала, ну и...

Миллер оживился.

– А нашей тощей пристегнуться советовала, красавица. Не проканалю, правда. Бывает.

Юля закатала штанину на ноге и показала глубокий след от оков на коже.

– Да потому что я тут уже полгода! И свою вину искупила! Понятно вам?!

Она оглядела остальных и зажмурилась. По щекам поползли ручейки.

– Ты сама видела лодочника?

Юля кивнула.

– Куда он нас отвезет?

– Не знаю. Хочется верить, вернет назад.

– Что за тварь сидит внизу?

– Да не знаю я. Знаю только, что нельзя эту лодку выпускать к нам.

Миллер засмеялся.

– Значит, вариант первый. Один из нас тут остается, а двое других с капитаном Немо плывут туда, не знаю куда. Вариант второй. Мы всей толпой плывем хрен знает куда, но тогда может случиться лютый апокалипсис. Обосраться! Вот это я понимаю – гульнуть в выходные!

Юля рассказала все: и о предыдущей троице, и о жребии из пуговиц, и о том, как у нее через пару дней пропали жажда с голодом, и о диске на трубе, который ушел под воду ровно в тот момент, когда расстегнулись кандалы.

Пришла ночь, а с ней и красная луна. У Насти уже голова раскалывалась от рассуждений и догадок. Казалось, все это происходит не с ней.

– Ах у ели, ах у елки, ах у ели злые волки, – пел Миллер, скручивая из водорослей шарик. Сейчас он по-настоящему нервничал. – Если разобраться, я бы и сам за пару месяцев на поганом столбе придумал и загробный мир, и демонического морского таксиста, да хоть отряд тюленей-разбойников. Лично меня эти каракули ни в чем не убеждают. Да даже если и нужно оставлять, мать его, дежурного, почему обязательно мы? Тощая же сказала, что на картинках херова гора треугольников была!

Из воды выпорхнула ворона и села на трубу. Ковырнув клювом железо, с любопытством стала разглядывать людей на столбах. Она поворачивалась против часовой стрелки и, когда дошла до Миллера, залилась мерзким карканьем.

– Да пошла ты, без тебя тошно.

Миллер швырнул в нее шарик, и ворона поднялась в воздух.

– Теперь хоть ясно, откуда вы повылезли посреди моря.

Настя закрыла глаза, пытаясь собрать мысли в кучу, тяжело вздохнула и начала говорить:

– Мы же спаслись, правильно? Должны были утонуть, но очутились здесь. А сколько людей было до нас? Сколько еще будет? Если мы утопим треугольник, а он окажется последним...

– Слышь, тощая, да мы вообще хер знает где! Застряли, как сопля между этажами. С чего ты вообще взяла, что чертов лодочник не свезет всех дружно в ад?

– Тебя, может, и свезет.

– Эта штука внизу, – сказала Юля, указывая под воду. – Она не пыталась запихнуть нас в наручники. Хотя, наверное, могла. Так что выбор только за нами. Может, это такая проверка. Спасение нужно заслужить, спасая других. Оставить грехи здесь, очиститься.

– Аллилуйя! – Миллер взмахнул руками. – Пеппи уже как сектант шпарит! Если вам так хочется, очищайтесь тут на здоровье, спасайте каких-то там выдуманных людей. Я лично намерен отсюда сдристнуть. Любой адский Усть-Пиздюйск меня устроит больше, чем отсидка на кончике какого-то сраного трезубца.

На трубу присели сразу две вороны. Настя подняла голову и в изумлении открыла рот – над ними кружила черная пернатая туча.

– Он уже плывет... – прошептала Юля. – Ребята, решайте. Второй раз я не выдержу...

Миллер истерически заржал, бубня неразборчивые ругательства.

– Я согласна на жребий, – робко сказала Настя. – Но ты ведь мужчина, мог бы...

– Ишь как запела! – перебил Миллер. – Да вы же, бабы чугунные, все время за равноправие боретесь, так? Ну так какие проблемы? Давайте, в бой!

Настя не могла решиться на такое, просто не могла. Полгода одиночества тут... А если год? Или вечность?

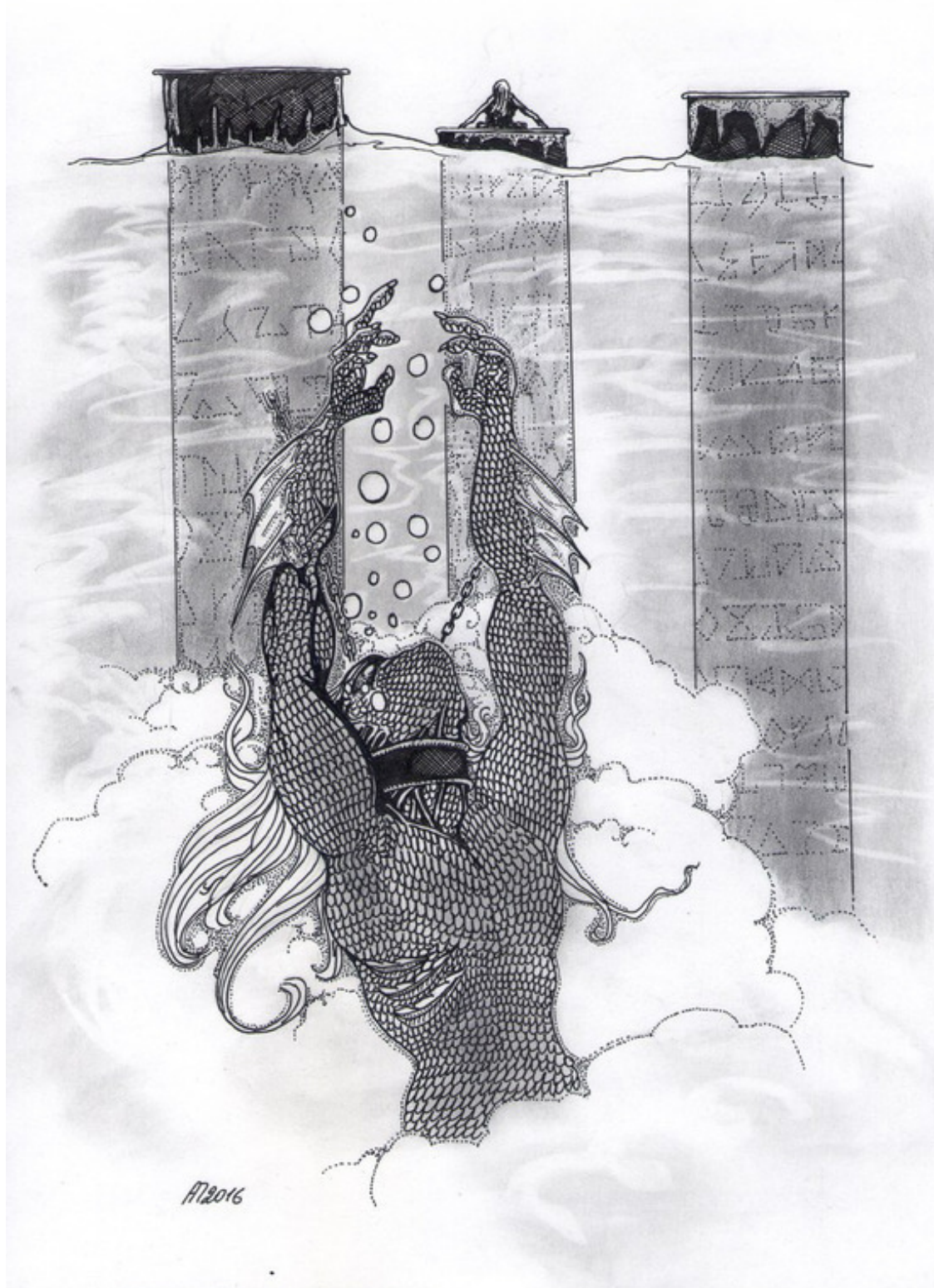
Юля, съезжившись на столбе, бесшумно плакала. Миллер бултыхался в воде, стучась головой о цепь. У него опять пошла кровь из раны, но теперь акулы его ничуть не беспокоили.

– Ладно, – сказал он мрачно, – уболтали, суки драные. Я останусь.

Девушки встrepенулись. Юля вытерла слезы и заговорила:

– Спасибо, это очень сме...

– Тихо-тихо, – перебил Миллер. – Есть одно условие. Вернее, даже два. – Он оскалился. – Вы обе прямо сейчас раздеваетесь, и я оттрахаю каждую так, чтобы глаза на лоб полезли. И не надо удивляться. Мне еще полгода без бабы здесь яйца высиживать. Так что до прихода лодочника ваши тушки в моем распоряжении. Ну, или цепляйтесь сами, наручники есть у всех.

Настя посмотрела на Юлю, которая, казалось, выплакала все веснушки. Та тихонько проговорила:

– Какая же ты все-таки мразь.

– Лады, наше дело предложить.

Миллер крикнул и забрался на столб.

– А как же «тощая» и «костлявая»? – ехидно спросила Настя.

– Сухие дрова жарче горят, – пробурчал Миллер и заржал.

Через час с неба на волны опустилось облако сажи. В сторону столбов плыло пятно тумана, за которым тянулись черные птицы. Море довольно урчало.

Раздался громкий щелчок, и девушки повернулись к Миллеру. Его ногу обвивала цепь.

– Да пошутил я, пошутил. Такая уж натура, не держите зла. Тем более что вы и впрямь слишком тощие. Все равно что смерть с косой оприходовать.

Он грустно улыбнулся.

Перевозчик был рядом, из тумана торчал нос лодки. Треугольник затягивало белой дымкой.

Юля спустилась в воду и подплыла к Миллеру.

– Спасибо тебе. Правда. На самом деле это не так страшно, как кажется.

– Ага, конечно.

Лодка заплыла в центр треугольника и уперлась в трубу. У весла стояла почти трехметровая фигура в пепельном балахоне, чуть дальше виднелись другие люди. Юля быстро чмокнула Миллера в щеку, подгребла к лодке и перевалилась через деревянный борт.

Настя до сих пор не могла поверить в такую развязку. Оказавшись в воде, она оттолкнулась от своего столба и добралась до Миллера. Фигура перевозчика нависла над ними огромной тенью.

– Ну ты даешь, – произнесла Настя, качая головой. – Скажи мне только одно: ты же нормальный мужик, зачем выставять себя таким ублюдком?

Весло упало на воду, и по днищу лодки застучали тяжелые шаги.

– Наверное, потому что я такой и есть.

Миллер схватил Настю за руку и сомкнул кандалы на ее запястье. Да, цепь была обмотана вокруг ноги, но сама клешня первый раз щелкнула вхолостую. Миллер обманул.

– Зря ты прощаться удумала, свалили бы втроем. Но раз сама приплыла, то на всякий случай спасем мир. – Миллер улыбнулся и подмигнул ей. – Не сучай, тощая.

Перевозчик швырнул Миллера в лодку и схватился за цепь. Дернул с силой, еще и еще. Поднимал вверх, пока висающая на цепи Настя не закричала от боли, и только потом отпустил. Когда девушка забралась на столб, лодка уже уходила. Капюшон перевозчика скрывал лицо, но волны ненависти чувствовались даже с такого расстояния. Туман уплывал вслед за хозяином, забирая с собой и воронье. А Настя, едва дыша и уже не сдерживая слез, смотрела вслед исчезающей лодке. Пытаясь в последний раз разглядеть человеческие лица.

* * *

Прорубь затянулась буквально на глазах, и бородач погрузил труп на сани, чтобы потом его по-человечески похоронить. Растормошив собак, он развернулся в сторону селений и погнал упряжку к дому. Обратная дорога была быстрее, ведь собаки не любили море и неслись от него изо всех сил. Работа здесь была закончена. По крайней мере, до следующей красной луны.

Встречный ветер щипал лицо, тревожа старый шрам над бровью. Замерзшее море оставалось позади вместе с воспоминаниями. Бородач закутался в меха и прикрикнул на собак. Дома его ждала жена и тройня рыжих, как само солнце, ребятишек.

Ожерелье из ракушек

Антон Воробьев

По мокрым камням через быстрый ручей, по тропинке меж серых скал, вниз, с пригорка, к излучине бухты, туда, где желтый песок лизали бирюзовые волны. Алит Мэй пронеслась мимо развешанных сетей и вытащенных на берег лодок, упала на колени возле кромки прибоя и погрузила в прозрачную воду ладони. С уст девушки сорвался вздох облегчения.

– Ты в последние дни всё раньше и раньше, – заметил старый Ло.

Он смолил перевернутую вверх дном рыболовецкую посудину, подставившую свои крутые бока под лучи восходящего солнца.

Алит скривила губы и передразнила старика:

– «Раньше и раньше», бу-бу-бу.

– Что там с погодой? – усмехнулся Ло.

Девушка закрыла глаза и заявила:

– С юга идет ливень, будет у нас после обеда. И тебе привет от Мальцева. Он уже доделал свой катамаран и хочет встретиться с тобой завтра у Зеленого острова.

– Ох, надо мне поторопиться. – Ло нахмурил седые брови и с удвоенной энергией принялся мазать доски черной кистью.

Алит наслаждалась мягкими прикосновениями соленой воды, с довольной улыбкой гладила ладонями набегавшие волны. Она так увлеклась этим, что не заметила, как из поселения пришли рыбаки.

– Эй, красавица! Сегодня с нами! – весело прокричал Чжун Гуо, молодой человек с широким лицом.

Девушка фыркнула и с вызовом ответила:

– Я еду с Ло. Он рыбу не упускает, как некоторые.

– Зачем так сразу? – смутился Чжун и под хохот приятелей принялся готовить большую лодку к спуску на воду.

– Езжай с ними, Алит, – негромко сказал старик. – Мне тут ещё долго возиться, а прилив скоро уйдет. Атлант, вон, уже к горизонту клонится, – указал он на небо.

Девушка посмотрела вверх, на голубоватый, с белыми разводами облаков, бок газового гиганта. На его фоне вдруг протаяла маленькая звездочка, мигнула оранжевым и поплыла через утренний небосвод на запад, утаскивая за собой белую паутинку хвоста.

Заброшенный город лежал на берегу моря. Его обглоданные ветром и вылизанные дождевой водой здания белели под солнцем словно кости огромной собаки, так и не дождавшейся хозяина. Пять веков запустения превратили жемчужину колонии в заросшие лесом трущобы: улицы скрылись под двухметровым слоем нанесенной земли, дома взирали на окружающее пустыми глазницами выбитых окон. Едва ли не единственное, что пережило наводнения, ураганы и ежегодные нашествия грызунов – система освещения, каждую ночь превращавшая город в расцветенное огнями кружево.

Константин Ситов наблюдал, как гаснут фонари под напором рассвета, и думал, где бы достать катер. В посадочном модуле ждало своего часа оборудование для исследования морских видов, надо было как-то переместить все эти анализаторы и датчики подальше от берега, на глубину. Океан Нереиды был знаменит своими причудливыми обитателями, материала для диссертации тут хватало с избытком.

Из окна здания энергостанции под сень деревьев выбрался Михаил, инженер экспедиции. На его бородатом лице сияла довольная улыбка. Отряхнув одежду от пыли, он сообщил:

– Похоже, силовой генератор всё ещё работает. Умели делать раньше.

– Судя по архивным записям, тут где-то должен быть портал на Землю, – заметил Константин. – Сможешь его запустить?

– Ну... – вытянул губы трубочкой инженер, – вряд ли. Надо ведь и второй портал включать, который на Земле. А где он там, в каком состоянии – кто его теперь знает.

– Ладно, я пойду свое барахло разгружать, – Константин кивнул на посадочный модуль, возле которого сустились остальные члены экспедиции. – Надеюсь, не все местные лодки сгнили, иначе мне придется плот строить, – добавил он.

Обустройство лагеря заняло весь долгий день. Роботы расчистили вход в один из жилых домов, убрали мусор из квартир, изготовили и вставили новые стекла. Часть помещений отвели под лаборатории, в других расположились сами ученые. Михаил обещал наладить подачу воды в течение недели, привезенных запасов на это время хватало с избытком.

Вечером, после всех хлопот заселения, легкой пробежки по заросшим улицам, импровизированного душа из подвешенной бочки и небольшого праздничного ужина по случаю прибытия на Нереиду, Константин, наконец, добрался до порта.

Солнце уже садилось, город тянул к темному морю жадные пальцы серых теней. Пристань, погребенная под песком, кое-где оскаливалась гранитными причальными столбами. В сумерках на дне бухты мерещились остовы затонувших кораблей – обман зрения, конечно.

Никаких судов в порту не сохранилось, на глади моря и в ангарах было пусто.

Константин решил заснять для своей коллекции открывающийся вид на бухту и взобрался на крышу ближайшего склада. Серая пелена у горизонта как раз начала наливаться белым и оранжевым: вот-вот должны были взойти Зефир и Борей, спутники Атланта. По волнам расплескивалось серебристое мерцание, на его фоне выделялось какое-то темное пятно. Экзобиолог навел на него камеру, приблизил изображение и увидел разрисованный белыми кругами парус.

– Так значит, вы не с Земли? – уточнила Алит.

Старейшина чужестранцев по имени Дима кивнул в ответ:

– Мы из союза городов на Полярисе. Такие же колонисты, как и вы.

Девушка посмотрела на Чжун Гуо, который уже минут пять пытался вскрыть вторую упаковку подаренных конфет. Остальные рыбаки сосредоточенно жевали сладости из первой упаковки.

– Вряд ли такие же, – высказала сомнение Алит.

– Мы вовремя прервали контакты с Землей, – пояснил бородатый чужестранец Миша. – Поэтому смогли сохранить население и технологии. Конечно, до былого уровня материнской планеты мы не дотягиваем, но можем совершать небольшие вылазки к другим звездам.

Девушка отхлебнула из чашки горячий напиток с довольно терпким вкусом – «чай», откинулась на спинку дивана и ещё разок окинула взглядом помещение, куда их пригласили чужеземцы. Гладкие стены и пол, широкие окна, яркие светильники – все это сильно отличалось от хижин поселка на острове Чжан Ю.

Конечно, среди рыбаков ходили байки о Городе на западе. Временами какой-нибудь смельчак высаживался на местный берег и обшаривал эти странные сооружения в поисках интересных вещей. А потом рассказывал взиравшим на него с открытыми ртами соплеменникам леденящие душу страшилки. Но Алит никогда не думала, что сама тут окажется. Старейшины не поощряли праздное любопытство, а без их согласия девушка не могла отлучаться из поселка. Чудо, что старый Ло взял на себя ответственность и велел выяснить, не упала ли оранжевая звезда возле Города. Удивительная прозорливость седого рыбака, если подумать...

– А почему вы раньше не прилетали? – поинтересовался с набитым конфетами ртом Чжун Гуо.

– Мы не знали, безопасно ли это, – вежливо ответил Дима. – Наши специалисты лишь несколько лет назад заключили, что угроза ушла. Первым делом мы наведались на Землю, а потом стали облетать колонии.

– Жалко, – вздохнул Чжун.

– Скажите, Алит, – обратилась к девушке светловолосая чужестранка Лида, – вы не могли бы проводить нас в свое поселение? Нам было бы интересно узнать о вашей культуре побольше.

– Думаю, старый хитрец на это и рассчитывал, – негромко произнесла Алит и согласно кивнула.

«Осьминог-3000» булькнул, погрузившись в синие воды, расправил стабилизаторы, выпустил поплавок с антенной и устремился вниз, в глубину. Константин проверил сигнал на планшете и потянулся за следующим анализатором. Краем уха он слушал разговоры между местными рыбаками и учеными во главе с Дмитрием Погожиным. Коллеги все пытались узнать, как колонистам удалось выжить на Нерейде без современных инструментов.

– Что это вы делаете? – раздался над ухом экзобиолога женский голос.

Константин обернулся. Спрашивала девушка, приплывшая вчера вместе с рыбаками. В её темных глазах светился неподдельный интерес.

– Собираю данные, – показал ей планшет экзобиолог. Потом, сообразив, что она вряд ли знакома с графиками и диаграммами, пояснил: – Эти штуковины – приборы, как глаза и уши. Я отправляю их в океан и потом могу видеть и слышать то, что видят и слышат они.

– Я так тоже могу, – заявила девушка. Кажется, её звали Алит. – Вот, смотри, – она перекинула через борт лодки ногу и погрузила её в воду.

– Куда нужно смотреть? – вежливо спросил Константин.

Девушка на минуту прикрыла глаза и сказала:

– Старейшины уже ждут нас. Чен Ши стоит на берегу, волны доходят до его колен. Он говорит: «Алит Мэй, несносная девчонка, немедленно возвращайся домой! И где, во имя Неба, носит этих лодырей? Ваши семьи всю ночь не спали, о них вы подумали, шалопаи?»

– И давно он там стоит? – поинтересовался экзобиолог.

– Хм... с утра, я думаю, – пожала плечами Алит.

– И всё время повторяет эти фразы? – уточнил Константин.

– О, нет. Это небольшой отрывок из длинной и усыпанной ругательствами речи, – усмехнулась девушка.

– Ясно, – коротко сказал ученый.

– Что, не веришь? – с подозрением прищурилась Алит. – Я – хайде нюэ, могу слышать все, что происходит в водах моря. У вас что, на Полярисе таких, как я, нет?

– Наши моря покрыты льдом, – ответил экзобиолог. – Ногу туда просто так не опустишь.

– Как же вы там ловите рыбу? – ошарашенно посмотрела на Константина девушка.

– Выкапываем её лопатами, – подмигнул ученый. – Из нор и берлог.

– Ха, вот ты врешь!

В хижине царил мягкий сумрак. Дневной свет, просочившись тонкими лучиками сквозь кроны деревьев, выхватывал из кружевной тени царапины и щели в досках пола. В воздухе неспешно вальсировали белые пылинки.

– ...Ведь ты и сама знаешь, чем грозит подобное пренебрежение ритуалом. Сколько дней ты уже пропустила? Возьми, наконец, себя в руки...

Алит сидела на плетеном коврикe с опущенной головой и сложенными на коленях руками. Весь её вид выражал покорность и послушание.

– ...За какие проступки Небо наказало нас такой карой? Почему на других островах все хайде нюэ прилежно исполняют свои обязанности, а нам досталась Алит Мэй? Неужели предки ополчились на нас в своем гневе?..

У него такие необычные глаза, думала меж тем девушка, привычно пропуская мимо ушей лекцию Чен Ши. Серого цвета, таких больше ни у кого нету. И открытая улыбка. Высокий лоб – должно быть, он очень умен, кивнула она себе.

– ...Как я радовался семнадцать лет назад, когда ты родилась. Думал, наконец-то у нас будет своя нюэ, не придется больше звать эту старую каргу с Зеленого острова. Небо, ну и характер у неё был...

Ему нравятся необычные рыбы. Как он назвал эту науку? Итхи-итихи-итохито-логия? Надо переспросить.

– ...А потом она завалила все лодки рыбой, и те пошли на дно. Ну и стерва, я тебе скажу! Так, ближе к делу, – старейшина зорко глянул на темноволосую девушку – не потеряла ли та нить ценных наставлений. – Чужестранцы хотят разузнать, как мы тут живем. Постарайся, чтобы они увидели наш тяжелый труд на полях и в море. И при случае намекни, что нам бы пригодилась их техника. Пусть помогают, раз прилетели.

– Ого, сколько их здесь! – Константин с азартом водил пальцами по планшету, направляя подводный дрон.

На небольшом экране деловито суетились, настороженно взирали, кокетливо дефилировали и величественно взмахивали плавниками сотни рыб, разных форм и размеров. Под лучами местного солнца их яркая чешуя переливалась и играла всеми оттенками радуги.

Алит, подперев щеку, с улыбкой поглядывала то на планшет, то на экзобиолога.

– Их тут всегда полно, – заявила она.

– Рифы – фестиваль жизни моря, – выдал неловкую сентенцию ученый. – На Земле есть нечто подобное. Но эти воды отличаются бОльшим видовым разнообразием. Я как раз исследую этот вопрос, почему на Нерейде такое огромное количество видов.

– Расскажи мне про Землю, – попросила девушка.

– Хм, – Константин отвлекся на секунду от экрана и взглянул на неё. – Там полная разруха и запустение.

– Прямо как у нас? – хитро прищурилась Алит.

– Примерно. Ну, то есть... – смутился экзобиолог, сообразив, что это прозвучало довольно невежливо. – Я имею в виду, там ведь почти никто не выжил. За несколько лет исследований мы наткнулись на три группы общим числом где-то пять тысяч человек. По сравнению с двадцатью миллиардами, которые населяли материнскую планету пятьсот лет назад, это – лужица на дне пересохшего моря.

– У нас есть легенды о Земле, – сказала девушка. – В них она – что-то вроде Неба, страна изобилия, где не надо каждый день работать, где всё дается легко и просто, стоит лишь пожелать.

– Когда-то так и было, – кивнул Константин.

– Говорилось ещё, что туда вели врата, скрытые в глубине Города на западе. Но однажды появилось чудовище Фенгрэн. Оно убило всех людей в Городе и окрестностях, не тронув только тех, кто был за морем, на островах, а затем бросило вызов богам, проникнув за врата. Боги разгневались и закрыли путь на Землю, чтобы люди больше не могли попасть в благословенную страну. Наши старейшины верят, что боги победили и изгнали Фенгрэн, и что чудовище до сих пор ходит по заброшенным улицам в поисках жертв. А в остальном они – вполне вменяемые люди, – добавила Алит, задумчиво склонив голову.

– Что ж, у вас хотя бы легенды о том времени сохранились, – заметил экзобиолог. – В колонии на Аресе жители уверены, что их цивилизация зародилась в дебрях тамошнего леса. Правду знают только несколько человек, имеющих доступ к архивам.

– Сколько миров ты уже посетил?

– Пять.

– И в каждом изучал рыб?

– Да, – со смущенной улыбкой ответил Константин. – Это интересно. Ты не представляешь, насколько разными они могут быть!

– Хочешь взглянуть на них поближе? – кивнула на воды за бортом маленькой лодки Алит.

– Нырнуть? – уточнил ученый. – Я не взял «жабры» и костюм, придется возвращаться за ними в лагерь.

– Не придется, – заявила девушка.

Она перегнулась через низкий борт лодки, опустила ладонь в соленую воду и заговорила подмигнула Константину:

– Только ни слова Чен Ши.

«О чем?» – хотел спросить экзобиолог, но не успел: море под хрупким суденышком вдруг просело, и ученый вместе со спутницей оказались на дне огромного котла со стенками из воды. Округлое дно стремительно опускалось, прозрачные стенки задирались все выше и выше, загибаясь кверху в один блестящий под солнцем свод. Через минуту Константин обнаружил, что они находятся в гигантском воздушном пузыре, который, вопреки всем законам физики, погружается вниз.

– Это... ты сделала? – потрясенно спросил ученый.

Он протянул руку к границе пузыря, но не решился коснуться поверхности. С внешней стороны за его пальцами с интересом наблюдала желтая рыбешка с длинными плавниками, похожая на стрекозу.

– Гм, – Константин скосил глаза на Алит, которая явно наслаждалась произведенным эффектом. – Из тебя бы вышел отличный ихтиолог.

– А то! – польщенная девушка немного зарделась.

– Все хайде нюэ так могут? – поинтересовался ученый.

Слова внутри воздушного пузыря звучали гулко и как-то значительно, словно окружающее море наделяло их своей глубиной.

– Эти старые бабки? – пренебрежительно фыркнула Алит. – Они шагу не ступят без шестнадцати поклонов и ста восьми ограждающих заклинаний. А здесь, – повела ладонью по соленой воде девушка, – нужна импровизация.

Гигантский пузырь плавно двигался вдоль рифа в сопровождении небольшой стайки рыб, смахивающих на дротики. Подводные жители по разному реагировали на странный объект: кто-то испуганно прятался в известковых норах, кто-то подплывал и трогал блестящую поверхность щупальцами, усиками и тонкими ножками, кто-то пытался откусить от округлого серебристого бока кусочек себе на обед, но, получив вместо мяса глоток воздуха, разочарованно отплывал прочь.

Константин вооружился камерой и только успевал поворачиваться, чтобы запечатлеть морских аборигенов. Когда он в очередной раз бросил восхищенный взгляд на Алит, её лицо было совсем рядом, а губы чуть приоткрыты.

Неделя в гостях у островитян пронеслась, словно порыв свежего ветра в жару – такой желанный и такой короткий. Константин и Алит побывали во всех рыбных местах возле Чжан Ю и ближайших атоллов. Старейшины не отпускали девушку в далекие поездки, и экзобиолог всерьез подумывал о том, чтобы похитить её. Ради науки, как он сам себя уверял: хайде нюэ не только знала, где лучше запустить подводного дроида, но и могла приманить редчайшие

экземпляры морской фауны прямо к лодке. К тому же – ну что это за средневековые, когда ни в чем не повинного человека удерживают против его воли? Традиции традициями, а основные права никто не отменял. Хотят старейшины войти в новую Федерацию, которую строит Полярис? Вот пусть соответствуют. Погожин должен согласиться и выставить им такое условие.

– Ты ему уже об этом сказал? – спросил Михаил.

– Пока нет, но вернусь – скажу, – решительно заявил Константин.

– Дерзай, – принялся за бутерброд инженер. – Он, правда, сейчас дерганный, – добавил бородач с набитым ртом. – На Чжан Ю пожаловали с визитами вожди с других островов. Все чего-то выпрашивают, шеф там с утра до ночи переговорами занят. Так что ты хотя бы не в лоб требуй.

– Ясно, учтем, – кивнул экзобиолог.

Константин заехал в лагерь на один день, пополнить запасы. Все носители информации, которые ученый брал с собой на остров, доверху заполнились видео— и фото-материалами, данными анализаторов и личными заметками. К тому же следовало разгрузить контейнеры с образцами, захватить инструменты, которые просил Чен Ши, и упаковать несколько подарков. Экзобиолог надеялся, что увидев новенького дроида, обрабатывающего грядки с рисом, старик оттаит и разрешит Алит подольше отлучаться.

– Слушай, когда там наш транспортник с Поляриса вылетает? – спросил Константин. – Еще не поздно свою заявку на материалы дополнить?

– Каталог ювелирных украшений дать? – подмигнул Михаил. – У Лиды где-то валялся.

– Гм. Ну... если он ей сейчас не нужен...

– Транспорт пока тормознули, – инженер плеснул чая другу и себе. – Погожин попросил, до выяснения всех потребностей местных колонистов. Но вообще, я так понял, руководство собирается переезжать на Землю. Мне велено связаться с командой Ольсена для наладки городского портала. Так что скоро снабжение у нас всю зарботает.

– Ольсен нашел парный портал на Земле? – уточнил экзобиолог.

– Вроде того. Когда включим телепорт, народу тут прибавится, на местных пляжах весь Полярис отдохнуть захочет. Островитяне, скорее всего, тоже переселятся сюда, в город, поближе к цивилизации.

– Если избавятся от предрассудков, – проворчал Константин.

– Каких?

Ученый рассказал.

– Такие легенды у всех колоний есть, сам знаешь, – махнул рукой Михаил. – Ужасное бедствие или чудовище вылезает из ворот и всех губит.

– Только здесь Фенгрэн наоборот, ворота атакует, – усмехнулся экзобиолог. – Хоть какое-то разнообразие.

– Ну да, – задумчиво произнес инженер.

Дождь барабанил по мокрой черепице крыш, стекал по листьям деревьев на землю, бежал ручейками по мощеным дорожкам. Поселок завернулся в шелестящую хламиду из капель и угрюмо взирал на низкие серые тучи, которые в нескольких милях от берега сливались с таким же серым морем.

Алит мерила шагами свою маленькую комнатку, поглядывая на песочные часы в углу. Время утреннего ритуала ещё не прошло, девушка должна была сейчас сидеть перед статуэткой богини Пинхэн и читать мантры, но зов океана, который звучал в её голове несмолкаемой симфонией, не давал сосредоточиться. Хайде ньюэ иногда замирала, затаив дыхание, у тонкой двери и прислушивалась, не уснул ли Чен Ши – в последние дни старик все чаще флиртывал, и вместо монотонного бормотания ранним утром можно было услышать мирное похрапывание. Но сегодня глава острова Чжан Ю был на удивление бодр.

«Чертов дед, – раздраженно подумала Алит. – Вечно из-за него какие-то препоны! Вместо помощи – одни придирки и нотации о ремесле нюэ. Сам бы хоть что-то понимал в этом, старый пень».

Верхняя одежда лежала в общей комнате, чтобы взять плащ надо было пройти мимо Чен Ши. Напрашиваться на очередной выговор Алит не хотелось, но и ждать сорок минут желания не было. В конце концов, не в силах сдерживаться, девушка открыла окно и, в чем была, выскользнула под дождь.

Серые волны мерно накатывались на песчаный берег, взбивая водоросли, плавник и прочий мусор, принесенный приливом, в одну мокрую кашу. Погода не располагала к купанию, но Алит без колебаний бросилась в воду.

– Где ты, где ты, где ты? – бормотала она, закрыв глаза. – Костя, я так соскучилась, ну же, войди в море, коснись воды хоть мизинцем...

Океан пел мириадами голосов, перед внутренним взором хайдэ нюэ пестрела всеми красками феерия света, но среди этих звуков и вспышек не было того, что она искала. Девушка разочарованно склонила голову. Конечно, он занят. Не стоило ожидать, что он пустится в плавание так рано утром. Наверняка он еще не загрузил на борт все свои научные штуковины. Интересно, думает ли он о ней прямо сейчас?

Руки Алит, погруженные по локти в соленую воду, машинально перебирали тонкие свещающиеся «струны», на которых океан играл свою симфонию. Какие-то из них звучали легко и звонко, словно птичьи трели, другие отзывались на прикосновения гулко и тягуче, подобно эху волн в прибрежных пещерах, а некоторые сами пытались «сыграть» на любопытном слушателе.

Девушка уже намного опередила остальных хайдэ нюэ, превратив свое ремесло в искусство. Старухи строго следовали ритуалам, заглушавшим слишком громкий голос океана, но Алит всегда было интересно, о чем может поведать стихия, если дать ей волю.

Костю тоже привлекали загадки моря. Девушка улыбнулась, вспомнив его счастливое лицо, которое у него было, когда они вместе исследовали прибрежные воды. Почему бы не помочь ему, прояснить темные места теории видов Нереиды? Океан должен знать ответы, надо лишь спросить.

Алит кивнула себе и пробежалась руками по «струнам» в сверкающем море света и звуков. На этот раз придется зайти дальше, чем обычно.

Одинокая фигура девушки в промокшем до нитки платье, возвышалась в полосе прибоя. Её черные волосы ниспадали до пояса, там волны подхватывали их в свои соленые ладони и пытались вплести в пряди зеленые водоросли. С низкого неба сыпал серый дождь.

– Мы на карантине, – объявил Дмитрий Погожин.

Изображение его лица на экране слегка мерцало: связь была нестабильной из-за непогоды.

Михаил обвел взглядом коллег и задал вопрос, волновавший всех присутствовавших:

– Надолго?

– До получения новых указаний, – неопределенно ответил начальник экспедиции. – В общем-то, – почесал он затылок, – я сам не знаю. С Поляриса отправили транспорт с новейшим оборудованием. Хотят проверить данные наших детекторов. Если подтвердится, что следы М-излучения здесь старше, чем на Земле, то... будем надеяться, что не подтвердится, – как-то криво завернул конец предложения шеф.

– Давай, Дима, договаривай, – подбодрила его Светлана, микробиолог.

– Вместе с транспортом к нам летит крейсер «Настойчивый».

– О как, – выдал в пространство Михаил.

– Через сколько они тут будут? – уточнил Константин.

– День или два. Ребята, мы тут с вами все взрослые и должны понимать, что риск – огромный. Катастрофа пятисотлетней давности не должна повториться. Если источник М-излучения находится на Нереиде, он должен быть уничтожен. В общем, из лагеря не выезжайте. В случае отдельной эвакуации из города старшим назначаю Михаила Борового. Всем всё понятно? Тогда до связи, – отключился.

– Черт меня дернул проверить М-спектр, – пробормотал себе под нос инженер.

– Черт меня дернул пересказывать местные придания, – в тон ему вторил Константин.

Подавленные свалившимися новостями, ученые некоторое время молчали.

– И что теперь? – неизвестно кого спросила затем Светлана.

– Даже если источник был здесь пятьсот лет назад, теперь его наверняка уже давно нет, – высказал мнение Михаил. – Проведут сканирование, ничего не найдут, да улетят.

– Ты прав, – кивнул Константин. – Я пойду разберу свои записи, – добавил он. – Раз уж время появилось.

Выходя из комнаты, он поймал понимающий взгляд Михаила. Судя по всему, останавливать друга тот не собирался.

– Будь на связи, – долетела до экзобиолога негромкая реплика Борового.

Лодка была практически полностью загружена. По просьбе Константина инженер ещё вчера установил на неё прямоточный гидродвигатель, хранившийся в законсервированном виде на портовом складе. Теперь до острова Чжан Ю можно было добраться всего за три часа.

Ученый закинул рюкзак с инструментами под скамью, отвязал лить, запрыгнул на борт, оттолкнулся веслом от причала и включил мотор. Вся эта история с карантинном задержала его уже на полдня, Константин не хотел терять больше ни минуты. Через два с половиной часа, когда впереди, в серой пелене дождя, проступила Лю Тоу, зеленая вершина острова Чжан Ю, Константин услышал голос Алит. По крайней мере, так ему показалось.

«Теперь мы всегда будем вместе». Что бы это значило? Экзобиолог повертел головой вокруг, не увидел ничего необычного и, пожав плечами, продолжил путь.

Алит Мэй уткнулась лицом в грудь Кости и поплотнее завернулась в его куртку. Ученый нес её на руках до поселка, девушка настолько замерзла, что с трудом могла двигаться.

– Дурочка, – беззлобно ругал её экзобиолог. – А если бы я ещё дольше задержался?

Странно, но Алит было даже приятно, что он так её назвал. Она со слабой улыбкой смотрела на его мокрые от дождя скулы, на светлые волосы и сдвинутые брови. Ей захотелось коснуться пальцами его губ, но предательская рука не желала подниматься. Ну и ладно. Достаточно уже того, что он так крепко её обнимает.

В хижине было сухо, но прохладно. Костя насыпал в стальной горшок древесный уголь, разжег его и придвинул сей нехитрый обогреватель поближе к закутанной в одеяла Алит.

– Что это с Чен Ши? – спросил он между делом. – Лежит на спине, с блаженной улыбкой на лице, ни на что не реагирует...

– Они сейчас все такие, – негромко пробормотала девушка. – Слушают сердце моря.

– Очередной местный ритуал?

– Если бы, – усмехнулась Алит. – Из-за чего ты задержался?

– Дурацкая история. В городе нашли следы древнего излучения, которое сгубило большую часть человечества. Вообще-то такие следы есть во всех колониях, кроме Поляриса. Только на Нереиде они оказались самыми старыми из известных.

– Старые следы... хм...

– Что?

– Знаешь, почему рыбы в наших морях такие разные?

– Ты имеешь в виду многообразие видов? – уточнил экзобиолог. – Я пока не продвинулся в этом вопросе. Надо обработать собранные материалы, это потребует времени и мощных компьютеров.

– Океан собрал в себе много старых следов – вот почему, – убежденно сказала Алит.

– Следов чего? – не понял ученый.

– Других колонистов. Люди – не первые, кто прилетел на Нереиду. Было много предшественников. И они привозили с собой своих рыб.

– Интересная теория, – с улыбкой погладил черные волосы девушки Костя. – Потянет на докторскую, если сможешь обосновать.

– Я не шучу, – нахмурилась Алит. – Я – хайдэ нюэ, помнишь?

– Такое не забудешь...

– Океан целую прорву времени наполнялся все новыми и новыми существами. Он впитывал их жизни, вплетал их голоса в собственную музыку, нанизывал их сознания на единую гармонику, словно разноцветные ракушки на нить. Видишь? – она достала из-за ворота блузки украшение и показала его Косте. – Как это ожерелье.

– Хорошо, – не стал спорить экзобиолог. Он пощупал ладонью лоб девушки, обнаружил небольшой жар и спросил: – Как ты себя чувствуешь?

– Хочу пить, – ответила Алит.

Пока Костя ходил за водой, она выбралась из-под одеял и подошла к Чен Ши. Старик лежал прямо на дощатом полу, его глаза невидящим взором блуждали по потолку, с губ не сходила улыбка. Девушка подложила ему под голову мягкий валик и укрыла пледом. Нить света, соединявшая сознание Чен Ши с сердцем хайдэ нюэ, пульсировала яркими красками восторга и наслаждения. Океан Нереиды, через своего посредника в лице Алит, сливался с новой жизнью, добавляя ещё одну «ракушку» в бесконечное «ожерелье».

Алит устало присела возле старейшины и посмотрела на спину ученого, который возился на кухне с чайником. Почти все силы хайдэ нюэ сейчас уходили на то, чтобы сдерживать в себе неутолимую жажду океана. Ей хотелось вернуться в соленые волны и ещё раз погрузиться в ту симфонию света, в которой она чувствовала себя такой живой. Но ещё – хотелось почувствовать, как сильные руки Кости обнимают её. Девушка расстегнула блузку и скользнула на кухню.

– Костян, прием.

Шшш...

– Костян, прием, ты слышишь?

Шшш...

– Костян, ты где, ответь, это срочно.

Шшш...

– Костян, это Миха, если слышишь – ответь.

Шшш...

– Короче, если ты слышишь, и если ты – там, где я думаю, то – вали оттуда. Транспорт с орбитальным сканером, оказывается, уже прибыл. И зафиксировал вспышку излучения на Чжан Ю. Погожин на связь не выходит, Лида тоже... В общем... Надеюсь, у тебя все в порядке. Я поставлю автоповтор этого предупреждения, на случай, если ты выйдешь на связь. Торопись, крейсер ждать не станет.

За окном сгустились сумерки, добавив темные тона в серую гамму дня. В маленькой комнате, освещенной бумажным светильником, было тепло и уютно. За стенами тихо шелестел дождь, укрыв людей от остального мира. Среди мягких теней и неяркого света, на соломенном матрасе нежились двое.

Константин убрал длинную прядь с лица Алит и спросил:

– Почему ты хмуришься?

– Ты скоро уйдешь... – ответила девушка тихим голосом.

– Глупенькая, – провел он рукой по её маленькому носику. – Зачем мне уходить?

– Исследовать другие океаны, – сказала она, потупив глаза. – Ты ведь сам говорил, что хотел бы заниматься этим всю жизнь. И я не держу тебя, – добавила Алит, теребя в пальцах пуговицу на расстегнутой рубашке ученого. – Я не впустила тебя в сердце моря. Ты не связан и волен идти туда, куда хочешь.

Константин мягко притянул к себе девушку.

– Ты мой океан, – прошептал он ей на ухо. – Не закрывай свое сердце от меня.

Алит выдохнула, сжала любимого в объятиях и перестала сдерживаться. В следующее мгновение экзобиолог услышал симфонию Нереиды.

Жизнь – вот что ощутил Константин. Жизнь была повсюду: открывалась безграничным простором, мчалась вихрем вокруг ученого, ласкала нежными прикосновениями и на бешеной скорости пронизывала насквозь. Единая жизнь связывала неисчислимые сознания одной нитью света. Двадцать с лишнем миллиардов человеческих разумов, выпавших из мировой истории пятьсот лет назад, были здесь и составляли лишь малую толику этого грандиозного «ожерелья».

«Теперь мы всегда будем вместе».

С зависшего на орбите крейсера сорвались вниз, в стремительный полет, иглы ракет. Их короткий путь, отмеченный белопёрым следом, завершился над зеленым островом в яркой вспышке алого. Дождевые тучи откатились в стороны под напором взрывных волн, на месте маленького клочка земли разлилось обжигающее море пламени. Оно отразилось в окружающих водах Нереиды брызгами света.

Древний океан отреагировал на этот укол в своей уникальной манере. Казалось, его игристые волны восприняли грохот взрывов как жизнерадостный финальный аккорд. Когда окрестности перестали сотрясаться, одна из волн робко накатилась на скалы и расплескала первые ноты новой симфонии.

Размен

Денис Старовойтов

– Уважаемые пассажиры, мы рады приветствовать вас на борту нашего авиалайнера авиакомпании «НордАвиа». Мы выполняем рейс по маршруту Санкт-Петербург – Мурманск. Ориентировочное время полёта – 2 часа. Просьба занять свои места, пристегнуть ремни безопасности. Мобильные устройства на период взлёта отключить или перевести в режим полёта. Благодарим за внимание.

Роман повозился, выцарапывая пряжку ремня из щели между сидениями, щёлкнул замком и откинулся в кресле. Спohватившись – вытащил из кармана телефон и потыкав пальцем по сенсорному экрану выбрал нужную настройку. Хотел было убрать его обратно, но на полпути нерешительно задержал руку.

«Бред... господи, неужели это происходит со мной? Наяву? Может меня всё ещё не отпустило, и я на самом деле сейчас сижу в той амстердамской кафешке? А всё это вокруг меня просто глюки?»

С язвительной усмешкой, обращённой по-видимому самому себе, молодой человек с осунувшимся лицом и кругами под глазами вновь склонился над экраном телефона извлекая из его памяти нужную информацию, скачанную накануне с просторов сети.

«Эгир – в германо-скандинавской мифологии демон (йотун) мирового моря; его супруга Ран своей сетью ловит мореплавателей и останавливает корабли. Эгир состоит с богами-асами в дружественных отношениях: он приглашает их к себе на пирушку и сам их посещает.

Многими чертами Эгир напоминает античного Нептуна

У Эгира и его жены Ран было девять дочерей, которых называли девами волн:

- Бара – «волна»
- Блудухадда – «с кровавыми волосами» (цвет волн после битвы),
- Бюлгя – «морской вал»
- Дуфа – «мучающаяся волна»
- Хефринг – «пульсирующая волна»
- Химинглэва – «волна, отражающая небо»
- Хрэнн – «цепкая волна»
- Кулга – «ужасная волна»
- Унн – «волна».

«Блудухадда... повыдергал бы я тебе твои кровавые волосы, сучка... долбаное ваше семейство», – Роман устало вытянулся в кресле. «Надо же – всё мельчает кругом, даже древние боги. Опускаются до банального шантажа. Сколько раз приходилось читать, что нельзя идти на поводу у вымогателей... но где же тут найти управу на этих беспредельных ребят? То есть найти то её можно... наверное, но для этого надо съесть что-то куда серьезнее таблеточки в злачном амстердамском квартале, хе-хе.»

Романа начало затягивать в воронку рваного, пульсирующего, суматошного сна, где складываясь и распадаясь, как картинки в детском калейдоскопе, стали сменять друг друга эпизоды из далёкого и совсем недавнего его прошлого.

...

5-летний Роман сидит на коленях у отца за праздничным столом и приложив ухо слушает загадочный шум из большой и красивой морской раковины. Молодой весёлый папка – щеголеватый перспективный штурман торгового флота только что вернулся из рейса. С колючими усами и полной сумкой подарков. За столом мамыны подруги, папины друзья-моряки.

– Балбес у тебя Санька, Марин, – обращаясь к маме басит Семёныч – папин коллега-штурман, – мы ему говорим – плохая примета моряку домой тащить всю эту живность, – кивок головой в сторону раковины, – позовёт потом море к себе, позовёт, а он притащил всё равно...

– Да тьфу на тебя, – возмущённая мать даже перекрестилась, – что ты несёшь?

– Да не слушай его, мать, – смеётся папа, разливая шампанское – Семёныч у нас древний как мамонтовый бивень и тёмный суеверный мракобес...

...

16-летний школьник Роман сидит на кухне завтракает с отцом. Бронзовый от загара, вернувшийся недавно из Африки папа ловко орудуя вилкой уписывает яичницу.

– Куда поступать думаешь, молодёжь?

– В «Макаровку», конечно, – сын разыгрывает удивлённый тон и поднимает глаза на отца.

– Хм..., – отец встаёт со стола и подхватывая чашку с ароматным кофе, пересекает кухню, вставая у окна. Помешивая ложечкой, смотрит на сына оценивающим взглядом, как военрук на призывника на медкомиссии.

– На штурмана, надо полагать?

Дождавшись утвердительного кивка, отец отпивает глоток кофе и отворачивается к окну.

– Не могу сказать, что я в восторге, но... отговаривать не буду. Времена меняются и сейчас желал бы я тебе иной судьбы. Но... решай сам. Пусть будет династия. Дед, отец и сын Старовойтовы – гордость флота российского, отец хохотнул, потрепав сына по затылку.

...

17-летний курсант Старовойтов в учебной аудитории «макаровской» мореходки борется с подступающим сном под убаюкивающую лекцию преподавателя.

– Старовойтов! Не спите с открытыми глазами! О чём я сейчас говорил?

– Про метацентрическую высоту.

– И что же это такое?

– Расстояние от метацентра до центра тяжести судна.

– Хм... Александр Старовойтов – не ваш родственник?

– Отец.

– Гм. Как поживает?

– Да хорошо – капитаном уже ходит не первый рейс.

– Передавай привет. Тоже бывало, с открытыми глазами засыпал. Семейное у вас, видать...

...

18-летний курсант Роман Старовойтов на мостике учебного судна «Профессор Коломейцев». Стоит покачиваясь в сообществе ещё троих сотоварищей вокруг штурманского стола. Его только что нещадно рвало в каюте, неокрепший организм с трудом приспособился к рваной качке в студёных водах Северного моря. Строгий усатый и седовласый старпом – Константин Кузьмич экзаменует молодняк.

– Так, Лемтюгов, проложи-ка мне курс... пусть будет – до Кристиансунда. А ты, Матюшенко, пока он прокладывает – покажи-ка, как пользоваться локатором. Что, Старовойтов, плохо совсем? Ну ничего-ничего – притерпишься! Сухариков пока ешь побольше. И вспоминай, что помнишь про секстант, сейчас будешь нам показывать, хе-хе...

...

А вот он – поёживаясь на ветру в форменном свитере с погонами встречает поднимающегося по шторм-трапу крепкого рыжебородого шотландского лоцмана. Его первый рейс и первый заход на его вахте. Шотландский Абердин...

А вот он с друзьями в мутно-пьяном кураже в немецком Бремерхаффене. Надо же было – зайти в Германию на 9-е мая! Его друзьям – механику с радистом пришла в голову «гениальная» мысль, что было бы очень весело, встав в подземном переходе, вылавливать проходящих бургеров по одному и заставлять их в честь светлого праздника Победы кричать «Гитлер Капут!» Немцы пугливо съёживались, протестующее махали руками, но, уразумев, что от них требовалось, покорно кричали, благоразумно решив не раздражать трёх дюжих подвыпивших молодцов. Пока один не позвал полицию, и не пришлось делать ноги.

...

Маленький танкер, стоящий на рейде у небольшого тропического острова. Беззубый старикан привозит на древней шаланде ватагу бойких сисястых мулаток. Следует яростный торг – донкерман Афоня, бывавший здесь не в первый раз торгуется как на привозе, но старик не уступает – за одну даму – не меньше 3-х банок сгущёнки – суший грабёж! Пароход наполняется щебетанием непосредственных гостей.

...

Далее, сменяясь и распадаясь проносятся со сверхзвуковой быстротой картинки и эпизоды – страны, порты, моря, проливы и каналы... рейсы и контракты.

И вот – он уже молодой старпом, грамотный и перспективный, без пяти минут капитан, пересёкший все океаны вдоль и поперёк, на хорошем счету в крупной компании.

...

На мостике крупнотоннажного контейнеровоза «Евростар» было умиротворяющее тихо. 5 утра – все, кроме вахты на мостике и в машине – спят. Только мерный и усыпляющий гул главных двигателей. Роман стоял облокотившись на спинку кресла перед стойкой с приборами и рассеянно смотрел поверх всех этих локаторов-эхолотов-картографий, предаваясь своим мыслям. Рейс получился тяжёлым, каких не было давно. К монотонной тяжести привычной работы постоянно добавлялись дополнительные и неожиданные неприятности. Поножовщина между двумя филиппинскими матросами, приступ аппендицита в открытом море у боцмана, столкновение с причалом при швартовке с последующим разбирательством и отписками. В середине рейса сделали ходку из колумбийской Боготы в Барселону, после чего каталонские наркополицейские перетряхнули весь пароход в поисках кокаина.

Слава богу, что всё это скоро закончится. Ещё неделька – и конец контракта в славном и весёлом городе Амстердаме. И домой – отдыхать, да восстанавливать нервишки. Расфокусированным взглядом он зацепил некое изменение в окружающем его приборном «иконостасе». Несколько секунд потребовалось, чтоб отряхнуть с себя отупляющее сонное оцепенение и понять, что к чему. Локатор. Старый добрый Fugino стал пробивать через раз маленькую точку там, где её раньше не было. Роман навёл на неё курсор и стал наблюдать показания.

– Интересно, как я мог тебя пропустить? – пробурчал он себе под нос.

– Дрейфует... – сделал он вывод, понаблюдав за изменением курса-скорости, – кто ж ты такой? Слабый сигнал, неуверенный, на грани помехи... малая цель.

Оторвавшись от экрана локатора, Роман взял в руки трубку радиопередатчика и принялся вызывать незнакомца. Пощёлкав по каналам и не добившись никакого ответа, хмыкнул и задумался, раскачивая трубкой за витой шнур из стороны в сторону. Ситуация ему не нравилась – не должно бы в этом месте быть подобных штук, похожих на дрейфующую лодку. Но, чтобы разобраться, что к чему – надо разворачивать пароход, менять курс и тратить время, а на транспорте это не так-то просто. Маршрут и курс выверены, время рассчитано по часам, задержка груза грозит неустойками, служебными втыками и кучей отписок. Пройти мимо, сделав вид, что ничего не заметил? А вдруг там люди?

– Ну, твою же мать! Как начинался рейс по дурному, так и заканчивается – никакого покоя! Мастера что-ли разбудить – пусть принимает на себя?

Поразмыслив несколько секунд, крикнул и, взяв трубку спутникового телефона набрал номер ближайшей прибрежной норвежской береговой станции. Обменявшись дежурными приветствиями, стал выяснять не пропадали ли люди в море в ближайшее время. Взмолнованный дежурный подтвердил, что пропали трое школьников – два парня и девчонка, предположительно – вышли на лодке, унесло штормом в море, нету третий день, вся береговая охрана носом рвет.

– Бинго! Нашли мы ваших потеряшек! Дай бог, чтоб живы были!

Через полтора часа продрогших и ослабших норвежских школьников поднимали на борт контейнеровоза. А ещё через пол-суток передали на сторожевик норвежской береговой охраны, получив взамен два огромных торта от счастливых родителей и от мэрии родного города школьников. Старпому Старовойтову – персональная благодарность от руководства компании за спасение людей.

...

– И вот – представляешь, Лёха – такая канитель целый рейс!

Два старпома – сдающий и принимающий дела сидели, развалившись в креслах, напротив друг друга.

– Н-да... ну всё хорошо, что хорошо кончается – вот детишек спас напоследок – теперь герой, – подначил сменщик хабаровчанин Лёха, перегнувшись через стол и хлопнув его по плечу.

– Давай, дуй уже на причал – второй раз объявляют, – по трансляции, действительно его уже дважды вызывали на причал, где его ждало вызванное агентом такси.

...

Сев в такси, Роман наотрез отказался ехать в аэропорт и потребовал отвезти его в гостиницу рядом с туристическим центром города. На смеси английского и голландского он объяснил водителю, что собирается задержаться в городе на денёк-другой, осмотреть достопримечательности. Водитель понимающе ухмыльнулся – знаем мы, дескать, такие достопримечательности, но хозяин – барин, в гостиницу так в гостиницу.

...

– Привет, милая, мне бы надо чего-нибудь лёгкого. Чтобы... улететь, ну понимаешь, – в дополнении к словам, Роман изобразил руками нечто похожее на взмах крыльев. Изрядно поднабравшись в пабе, он, по пути в гостиницу, забрёл в небольшой кофе-шоп.

Молодая негритянка продавщица понимающе кивнула и наклонила голову, разглядывая его. Романа уже слегка «штормило», но это не мешало благодушно улыбаться «афроголландке». Волосы в дредах, пирсинг в носу и в губе, татуированные запястья... Девушка была очень красива и гармонична на какой-то свой чудной неформальный африканский манер.

– Откуда ты?

– Из России, малышка.

– Моряк?

– О, да!

«Малышка» на секунду задумалась.

– Мне кажется, что у меня есть кое-что для тебя, подожди немного.

С этими словами девушка грациозно скрылась за ширмой, разделяющей прилавок с подсобкой. Роман удивлённо поднял брови – надо же – эксклюзивное предложение – интересно.

Спустя минуту темнокожая нимфа вынесла из-за прилавка небольшую запylённую шкапу. Поставив её на прилавок, девушка аккуратно сдула и смахнула с крышки пыль, под слоем которой обнаружился сложный рисунок с изображением нескольких женских фигур. Открыв крышку, она некоторое время покопалась внутри и достала большую голубоватого цвета таблетку, живо напомнившую Роману аскорбинки из советского детства. Разве что аскорбинки были белые и без искусно выдавленного рисунка женской фигуры, по пояс в волнах.

– Вам должно понравиться. Это... впрочем – сами увидите.

Нерешительно задержавшись, глянув на Романа, продавщица достала ещё одну – фигура на ней была другой.

– Это... на всякий случай. Если потребуется.

Роман расплатился (стоили таблетки отрезвляюще дорого). Покачавшись некоторое время посмотрел на таблетки в своей ладони и решил всё-таки сначала добраться до гостиницы.

...

Лёжа на широкой гостиничной кровати, он смотрел, как мелкой зыбью начал переливаться и дрожать потолок. Воздух вдруг наполнился морской свежестью и мелодичным плеском прибоя. Сквозь потолок и стены постепенно начали проступать контуры скального грунта, местами украшенными гирляндами причудливых растений. Тусклый свет от гостиничной люстры начал медленно добавлять в яркости, как-будто некто неведомый за кадром не спеша крутил рукоятку тиристора. Упругий матрас под ним стал менять очертания и степень жесткости, тело ниже пояса вдруг оказалось в воде. Картинка подёрнулась мутью, задрожала на миг и затвердела в своей невероятной реальности, как сфокусировавшееся изображение на камере телефона. Роман медленно огляделся вокруг.

Грот. Он находился в скальном гроте, совсем недалеко от входа, там, куда ещё доставали яркие солнечные лучи. Неширокий, не более трёх метров у входа, немного расширяющийся далее он выглядел... обжитым? Ни плавучего мусора, ни склизких водорослей, ни птичьего помёта. Дно – из гладких губчатых камней, не скользящих под ногами, стены – будто отшлифованы неведомым скульптором, не лишившись ломаного скального рельефа, утратили острые кромки, в естественных «полках» и нишах уютно расположились причудливые и красивые растения.

Роман опустил взгляд на свои ноги – он полулежал в теплой, приятно пузырящейся воде, как в джакузи – оперевшись локтями на скальную полку. Цветастой нелепой деталью маячили в воде его васильковые «семейники». В руке он обнаружил стакан с водой из которого записывал таблетку. «Надо же! В виртуальный глюк со своей посудой», – отметил он и машинально отхлебнул из стакана.

В смутно угадывающейся темноте грота послышалось лёгкое движение, слабый плеск, привлёкший внимание Романа. Из полумрака лёгкой, беззвучной лодочкой к нему скользила девушка. Миг и её голова скрылась под водой, и стремительный силуэт моментом преодолел разделяющее их расстояние и вот – вынырнула в какой-то паре метров от него, плавно, не поднимая брызг.

Роман с незнакомкой молча разглядывали друг друга. Девушка не была русалкой или кем-то вроде неё из разряда многочисленных фольклорных морских персонажей. Никакого хвоста, плавников, перьев и прочих рыбьих принадлежностей. Это было вполне ясно видно, учитывая, что незнакомка не утруждала себя никакой, даже самой минимальной одеждой. В то же время в ней чувствовалась некая труднопередаваемая чужеродность. Совершенно чётко осознавалось, что водная стихия для хозяйки грота – родная и она чувствует себя в ней не гостьей, а коренной обительницей. Удерживалась и перемещалась она в воде совершенно свободно, без каких-либо лишних движений с грацией скорее дельфина, чем искусной пловчихи или ныряльщицы. Идеально чистая и гладкая кожа её тела периодически вдруг начинала переливаться, то синим, то зелёным, а иногда по ней пробегали разноцветные искры. Точёная фигура, миловидное личико, струящиеся по плечам снежно-белые волосы и широкие ослепительно синие манящие глаза.

– А ты не очень-то вежлив! Девушка не должна заговаривать первой с незнакомцами!

Голос девушки журчал и переливался, как горный ручёёк.

– Или ты недостаточно хорошо меня рассмотрел?

Мелодично рассмеявшись, незнакомка грациозно сделала оборот вокруг своей оси.

– Кгхм..., – Роман прочистил горло и облизнул пересохшие губы, – я думаю, что некоторые вещи никогда нельзя рассмотреть достаточно хорошо. Сколько на них не смотри – тянет делать это ещё и ещё.

– Каков льстец, а!

Незнакомка переместилась к нему ближе и, нежно подняв пальчиком его голову за подбородок, всмотрелась ему в глаза. Два синих магнита, словно вытянули из Романа душу через глазницы и растворили в себе. Придя в себя через неопределённое время, он обнаружил соседницу напротив себя у другой стенки пещеры в зеркальной позе – облокотившейся на скальную полку и совершенно по-ребячески болтая в воде точёными ножками.

– Я знаю, что ты считаешь меня своим видением... не буду тебя разубеждать, да и я к этому привыкла. Твоим соплеменникам проще поверить в галлюцинации от выпитого рома или выкуренного опия, чем в то, что они видят своими глазами, – девушка расхохоталась и одним толчком вновь переместилась вплотную к нему.

– Вообще, конечно, вы, люди, очень легкомысленные существа. Наркотики – это дверь, которая может открыться в совершенно неожиданные места. И совсем не факт, что оттуда удастся вернуться. Во всяком случае, без потерь.

– Ну, это же не мой случай, верно, – с небольшой ноткой тревоги спросил Роман, у которого по спине неприятно холодноло при обращении «вы, люди».

– Нет, – хохотнула, – дьяволица, – девушка, направившая тебя ко мне, хотела сделать тебе приятно. И мне тоже. Давно уже у меня не было гостей. Но у тебя и без этого серьезные проблемы.

– Серьезнее, чем разговоры с галлюцинацией?

– Гораздо, – незнакомка сочувственно покачала головой, – но мы вернёмся к ним потом, – не теряя же понапрасну время, которого, кстати, у нас не так много.

Она прижалась к его груди и приближая свои губы к его, прошептала: «Химинглэва... когда-то твои соплеменники называли меня Химинглэва...» И время остановилось.

Спустя блаженную вечность, она отстранилась от него и довольно раскинулась на водной глади, как кувшинка. Роман, переводя дыхание разглядывал фосфоресцирующий потолок.

– Мне жаль прерывать столь прекрасные мгновения, но времени, действительно почти не осталось. Я думаю, что ты не слышал обо мне и моих сёстрах... Люди... постепенно позабыли нас. Я дочь Эгира – повелителя моря. Когда-то мы тесно общались с людьми, хи-хи... отец, наша мать Ран и мы их дети... Люди почитали нас и приносили нам богатые жертвы. Мы помогали своим поклонникам и карали ослушников. Но с годами нас стали забывать и мы стали слабеть. Мы остались в мифах и легендах. У нас почти не осталось слуг и адептов среди людей... Мы плавно подходим к твоей проблеме – недавно ты лишил моего отца троих будущих слуг. А это очень серьезная потеря для него по нынешним временам.

– Троих слуг!? Это ты про кого же... постой – ты про спасённых школьников?

Химинглэва печально кивнула.

– Да... три чистые детские души... трагическая гибель – это очень ценный для Эгира ресурс. Куда ценнее самоубийц-утопленников или пиратов. У тех – другой профиль.

– Да ты охренела! – Романа как ледяной водой окатило, смывая остатки неги, – я спас детей! Вы чёртовы водяные...

– Не забывайся, морячок, – ручейковый голосок девушки-богини зарокотал между скалистых стенок полновесной горной рекой, – помни с кем говоришь!

Спокойная доселе водная гладь, вдруг вздыбилась буруном и ударила его в лицо, заставив долго отплёвываться и откашливаться.

– Ты же понимаешь, – жемчужный голосок вновь звучал безмятежно, – что людям твоей профессии следует быть крайне осторожным и аккуратным в общении с морскими сущно-

стями? И что это тело, – чертовка провела рукой по своей груди, – может принять и другую, менее приятную, но гораздо более опасную форму?

– Не сердись, – богиня вновь на расстоянии вытянутой руки от него и нежно ведет по его щеке пальчиком, – те дети... были бы счастливы у нас... долгая интересная жизнь, новые способности, новый чарующий мир... а потом, – вздохнула она – этим занимается отец, у меня несколько другая, как вы люди говорите, – компетенция.

Последнее слово девушка, словно дразнясь, дурашливо произнесла по слогам.

Роман потёр покрасневшие от морской воды глаза.

– Мадам, вы, кажется, говорили, что наше время подходит к концу? Не соблаговолите ли проводить меня? Продлевать я не собираюсь.

Химинглэва расхохоталась, – ну каков наглец, а!?

– Не переживай, сейчас уйдёшь, но я сказала тебе ещё не всё, – голос её стал твёрдым, сухим и деловым.

– Ты разозлил Эгира и привлёк к себе его внимание. Внимание недоброе, как понимаешь. Ты принёс убыток и тебе предстоит его компенсировать. У тебя есть выбор – первое – ты идёшь на службу Эгиру сам – моряки всегда им ценились, второе – к нам идёт близкий тебе человек, третье – одна разовая, но очень важная миссия, которая может быть зачтена тебе как возврат долга.

– Благодарю покорно, – иронично улыбнулся моряк, – а ещё варианты есть?

– Ты не принимаешь меня всерьёз, – печально вздохнула хозяйка грота, – а зря. Ты не выбрал – выберут за тебя, и очень скоро ты в этом убедишься. Когда захочешь поговорить – помни про вторую таблетку. Правда, попадёшь ты не ко мне, увы... очень жаль, ты мне понравился, хи-хи. Иди, морячок, – девушка резко и неожиданно зачерпнув воды брызнула ему в лицо.

...

– Мистер! Мистер!

Роман открыл глаза и обнаружил над собой встревоженную горничную со стаканом в руке, только что окатившую его водой.

– С вами всё хорошо!? Я пришла убаться и вы не отвечали и не реагировали на прикосновения! Я уже хотела вызывать медиков!

– Всё нормально...

Он с трудом приподнялся на кровати и, мутным взглядом провёл по комнате. Не обнаружив ничего необычного, перевёл взгляд на себя. Стакана ни в руке, ни на кровати не было. Васильковых «семейников» тоже.

...

Произошедшее оставило настолько гнетущее впечатление, что Роман, недолго думая, собрался и, плюнув на все амстердамские радости и красоты, покатыл в аэропорт, заказав билет на ближайший рейс в Питер. В мыслях он старался даже не возвращаться к красочному «приходу», словно поставив ментальный блок. Только стремился отдалиться как можно дальше от произошедшего как в пространстве, так и во времени. И только прилетев домой, немного пришёл в себя. Расплачиваясь с таксистом, убирая в карман кошелек, наткнулся на знакомый кругляш и долго стоял, разглядывая и крутя в пальцах таблетку, под накапывающим летним ленинградским дождиком. Поискал глазами урну, задумался и нерешительно убрал таблетку во внутренний карман. «Не будем совершать необратимых поступков», – пробормотал себе под нос.

«А ведь я с ней прошёл две таможни» – резанула запоздалая мысль, – Надо же... и ничего. И собачки обнюхивали. Вот была бы хохма – попасться с наркотой на границе. Карьере – конец. Хотя, эта негритянка, Трикси, кажется – говорила что-то про натуральные компоненты и что это не наркотик в чистом виде, хм.»

...

Развалившись на диване, размякший и отошедший после душа, он взял в руки телефон и набрал номер родителей. Гудки шли неприятно долго, и ответивший голос Роман узнал не сразу – трубку почему-то поднял дядя Лёша – мамин брат.

– Беда, Ромка... приезжай...

...

– Ушёл с мостика вечером – всё нормально было, шутил, веселился. Пошёл в каюту. Утром нету его, удивились, не похоже на него. В обед -нету – в каюту звонят – не отвечает, пришли – нет его и след простыл, весь пароход перерыли – не нашли Развернулись обратно – по курсу пробежались, а толку... больше ста миль почти отмахали за это время... Эх, последний рейс Санька делал, в управление собирался садиться после него... Уже и место для него приготовили...

Дядя тяжело вздохнул. Роман молча смотрел на мать. Та, без кровинки в лице сидела на диване, сложив руки на коленях, и смотрела перед собой. На стенку, где за застеклённой дверцей, среди семейных фотографий и фарфоровых слоников лежала причудливо изогнутая перламутровая морская раковина.

...

Роман сидел на диване и смотрел на голубоватый кругляш таблетки на своей ладони. В другой руке массивный восьмигранный вискарный стакан с водой. Пришлось уехать, как бы ни тяжело было оставлять мать, отговорившись срочными делами и оставив её на попечение сержантской соседки. Впасть в транс на глазах у матери было бы уж чересчур.

– Чтоб вы сдохли, суки ластиногие!

Роман решительно закинул снадобье в рот и щедро отхлебнув из стакана упал спиной на кровать, раскинув руки.

...

Он на этот раз не хотел наслаждаться виртуально-галлюциногенными эффектами, и крепко зажмурил глаза. А когда открыл их, никакой комнаты вокруг, разумеется, не было. Он лежал в шезлонге на галечном морском берегу. В десяти метрах от него берег обрывался и лениво накатывал прибой. Пляж, если его можно так было назвать, представлял собой полоску берега пару десятков метров протяжённостью и десяток метров в глубину скальной породы. С обеих сторон он был огорожен врезающимися в море скалистыми гребнями. Пляж был пуст, не считая Романа и лежащей в метре от него на таком же шезлонге девушки с яркоморковными волосами в бикини и солнцезащитных очках.

Сознавая, как бессмысленно и не к месту это звучит, он спросил:

– Это ты затащила сюда шезлонги?

Девушка заливисто рассмеялась, обнажив жемчужно-белые зубки.

– Туристы. Как вы их называете – дикари. У них тут тайное место, для влюблённых. Альков. И не лень же было тащить, да? А тут опасно – сильный прибой и скалистое дно... Кстати, меня зовут Блудухадда.

– Отец... ваших рук дело?

– Ну, не моих именно, если тебя интересует, но да... тебя предупреждали, а ты не внял.

– Как вы это сделали?

– Неважно, это, как вы говорите – дело техники, совершенно ненужные тебе детали.

Чувствуя накатывающую волну бешенства, он спросил:

– Что с ним?

– Он... жив. Учитывая необычную ситуацию, мы решили подождать, пока ты снова наве-стишь нас, чтобы принять решение.

– Дай угадаю – вы можете его вернуть, если я соглашусь заменить его собой? – подтверждающий кивок, – или выполнить какую-то миссию? – снова кивок.

- Умный человек, – рассмеялась морская обитательница, – приятно иметь с тобой дело.
- Что за миссия?

Блудухадда некоторое время молчала, легонько постукивая пальчиками по подлокотнику.

– Одна вещь попала не в те руки. Вещь была давно утеряна и считалась безвозвратно утраченной. А она может натворить много бед и неприятностей. Хотя и сильно повреждена. Нужно забрать её и вернуть законным владельцам. То есть – нам.

- Почему вы обращаетесь ко мне? Такие все из себя крутые-всемогущие?

– На суше наши возможности ограничены. Вот и приходится хвататься за любой вариант. Но ты не задирай нос – не получится у тебя – будем искать других. И найдём, будь уверен.

- Я не грабитель и не гангстер. У меня и оружия нет.

– Тем хуже для тебя. Жаль, что не обзавёлся столь полезными умениями и вещами, – девушка показывала, что и морским обитателям не чужд человеческий юмор, – если у тебя не получится, выручать тебя из заточения мы не будем. И не можем и не особенно захотим. А твой отец останется у нас.

- Что за вещь? Где и у кого она?

– Вещь..., – собеседница вновь надолго замолчала, – в разное время её называли по-разному. Например – Скипетром Морских Королей. Или – Жезлом Бури и Волн. А кто-то – Трезубцем Нептуна. Разные люди из разных народов, видя его, каждый в своё время давали ему свои имена. А когда-то он звался «Многофункциональным гравитационно-электромагнитным возмутителем». Инвентарный номер ИНТ-1302, департамент гидросферных исследований разбившегося космо-ковчега «Олимп» заведование младшего аква-командора Посейдона.

Последнюю фразу девушка произнесла вполголоса, словно бы обращаясь к самой себе.

– Впрочем – забудь. Твоё дело найти его, забрать и отдать нам. Взгляни мне в глаза, морячок, – девушка сдвинула очки на лоб.

Романа пронзили стрелы пурпурных мерцающих глаз. Он почувствовал, как покрылся липким потом, мысли превратились в кашу из обрывков фраз и слов и закрутились во всё ускоряющемся водовороте, а потом – также внезапно успокоились и потекли размеренно, а тело отпустило от напряжения.

– Теперь ты знаешь, где он и у кого, морячок, девушка опять сдвинула очки на лоб. Ты будешь чувствовать его и ты знаешь, что делать, когда завладеешь им. Держи – она кинула, а он машинально поймал маленький блестящий предмет, похожий на свисток.

- И не злись, парень. Хвали небеса, что ты разговариваешь со мной, а не с моим папашей.

- Зачем вам этот... жезл?

– Хо-хо! Боишься? Не бойся – устаивать катаклизмы никто не собирается. В этом нам с вами не сравниться. А вот вы, с его помощью можете натворить делов. Эх... людишки..., – с неподдельной горечью протянула красноволосая красотка, – ведь когда-то мы дружили с вами и я плескалась и играла на пляже с рыбацкими детьми. Люди приносили нам дары и возносили молитвы, а я приводила дельфинов, которые катали их на спинах, загоняла рыбу в сети и приносила жемчужины и драгоценные камни... А сейчас! Во что вы превратили моря?

Девушка грациозно поднялась с шезлонга и склонилась над ним.

– Лети, шкипер, возможно мы ещё увидимся, когда дело будет сделано и между нами не будет обид, – девушка сложила губы трубочкой и легонько дунула ему в лицо.

...

Роман услышал стук распахнувшейся оконной створки и почувствовал дуновение ворвавшегося шального порыва ветра. Некоторое время он лежал неподвижно, отстранённо вслушиваясь в окружающую полифонию звуков. Затем, не вставая с кровати закрыл глаза и помассировал руками виски, словно стимулируя мозговую активность.

«Игорь Рукавишников. Мурманск». Он смотрел на плечистого молодого светловолосого парня – мастера добычи рыболовного траулера, чей донный трал недавно у Фарерских островов скovyрнул с океанского дна вместе с сотней килограмм губки, морских звёзд и несколькими тоннами окуня – не приметную железяку, облепленную ракушками и обмотанную водорослями. «Что ж, наверное, тебя надо поблагодарить, что ты не стал выкидывать за борт непонятный предмет, а оставил себе. Потом – тщательно очистил, осмотрел и решил увезти домой. Ведь не случись этого, у меня не было бы шансов избежать ужасного выбора – отец или я. Извини, дружище, но жезл тебе ни к чему. Не стоит тянуть со дна всякую гадость», – тут Роман невольно вспомнил про отцовскую раковину.

...

– Уважаемые пассажиры, наш самолёт заходит на посадку. Пристегните ремни и приведите спинки кресел в вертикальное положение.

...

Газета «Вечерний Мурманск», раздел криминальной хроники.

«Странный случай произошёл сегодня в районе Прибрежного рынка. Неизвестный грабитель напал на выходящего из автомобиля мужчину и отобрав у него сумку бросился бежать. Мужчина стал преследовать преступника. К нему подключились сотрудники ППС, невольно ставшие свидетелями преступления. Неизвестный выбежал на Кольский мост и, вскочив на ограждение, стал дуть в предмет, похожий на свисток, но при этом не раздавалось ни звука. При приближении полицейских он прыгнул в воду вместе с сумкой и исчез. Прибывшие на место водолазы МЧС не смогли обнаружить ни тело, ни сумку. Вероятно, их унесло течением с отливом».

Новостной портал "Фонтанка.ру», Санкт-Петербург. Раздел Происшествия.

«Полицейский патруль сегодня обнаружил на набережной Невы лежащего мужчину в мокрой одежде в состоянии крайнего алкогольного опьянения. После разбирательства и выяснения личности оказалось, что мужчина – штурман торгового флота С., накануне вернувшийся с рейса и, по-видимому, крепко отметивший возвращение в родные пенаты, завершив празднование купанием в Неве.»

Еженедельник «The Shetland Times», Леруик, Шотландия.

«Вчера утром местные рыбаки обнаружили выброшенного морем на берег мужчину на бревне. Мужчина находился в состоянии крайнего истощения и, судя по всему, провел долгое время в открытом море. Пострадавший доставлен в местную больницу. После разбирательства оказалось, что это капитан выходившего три дня назад из порта российского сухогруза „Адмирал Щербаков“, ранее пропавший без вести при невыясненных обстоятельствах.»

Эпилог:

Александр Старовойтов, после курса восстановления и лечения в санатории, занял должность начальника службы мореплавания в Санкт-Петербургском морском пароходстве. Первое, что он сделал, вернувшись домой – выкинул в мусоропровод морскую раковину из стенки. Больше никогда Старовойтов-старший не ступал на борт корабля, даже прогулочного речного трамвайчика, не отдыхал на море и без лишней необходимости старался не приближаться даже к речным берегам.

Роман Старовойтов, придя в себя, на следующий день рассчитался из конторы, несмотря на недоумение всех друзей и знакомых, продал свою питерскую квартиру и переехал в Сочи, где устроился на работу спасателем и периодически подрабатывал помощником дрессировщика в местном дельфинарии. За годы работы на участке Романа не утонул ни один человек, а он сам спас 47 отдыхающих. Был трижды удостоен награды «За спасение утопающих» и награждён медалью – «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени. Почётный гражданин города Сочи. Ходят слухи, что после каждого спасённого, герой воздаёт должное местному вину, а потом бежит по берегу ночного моря и показывает ему разные неприличные жесты.

При этом кричит, обращаясь непонятно к кому – «Выкусите суки! Слуг вам!? Вот вам слуг!» – тут следует один из жестов. «А у меня – иммунитет, сволочи, хрен вы меня тронете!» – после чего, надрывно хохоча, заваливался на песок, обхватив голову руками.

Новгородский Орфей

Евгений Бессонов

«Мне кажется, что волшебная сказка похожа на море, а саги и мифы подобны волнам на его поверхности: сказка то „поднимается“, чтобы стать мифом, то „опускается“, снова превращаясь в волшебную сказку».

Мария-Луиза фон Франц

Солёные паруса цареградского нефа обвисли. Огромное двухмачтовое судно, набитое пряностями и шелками, уныло встало посреди водной пустыни. На сотни вёрст вокруг темнело Русское море, называемое так же Скифским и Гостеприимным. Гребцы-галиоты налегали на вёсла, стараясь двинуть деревянное чудовище вперёд. Вода без видимых причин на то сопротивлялась.

Гладь перед кораблём вдруг начала бурлить и волноваться. Федора, дочь купца, владельца нефа и несчитанных других богатств, в тревоге вышла из жилой пристройки на палубу. Тут море взволновалось ещё больше. Волны поднялись к небесам и расступились, словно бутон огромного цветка, и на поверхность вырвалась косматая, седая голова. За ней последовали плечи и торс. Все они были много выше человеческого роста и поднимались над водой на добрых десять саженей. Сурово и насмешливо смотрел морской гигант на маленьких людей. Усы и борода свисали, погружаясь в темноту вод.

– Здравствуй, красавица, – сказал гигант гудящим басом, – Не откажи, будь гостьей в моём дворце.

Красавица сверкнула синими глазами и сжала в маленькой руке нательный крест.

– Во имя Господа Иисуса Христа, Посейдон, морской чёрт, сгинь на дно и оставь нас в покое! – возгласила она.

Великан хохотнул, и мгновенье спустя ещё одна огромная волна смыла дочь купца за борт.

А началось всё тремя месяцами раньше.

Нежата, молодой гусяр из Киева, приехал в Новгород с намереньем увидеть его славу, вдохнуть воздуха его вольницы и померяться силами с именитым Садко, одним из лучших музыкантов той земли. На пирах киевлянин имел большой успех благодаря умению предчувствовать желания пирующих и играть то, что хотели слышать. Садко до этого не снисходил. Хотя играл искуснее, о чём Нежата горевал. Довольно скоро киевского гусяра призвал к себе Клавдий, купец из Царьграда, по настоянию своего учёного врача.

Византийский торговец был высок, худошав, златовлас и имел ясные, пронзительные глаза. Взгляд его был измученным и усталым, и Нежата вконец усомнился, что богатство есть знак Божьей милости.

– В крови моей, пожалуй, слишком много чёрной желчи, – сказал купец, когда с приветом и любезностями было покончено, – Не знаю даже, есть ли в этой желчи ещё кровь. Возможно, мне придется отворить все вены, чтоб узнать это. Один мудрец, Сенека, так и сделал.

– Если он был и впрямь мудрец, почто убился? – спросил Нежата вежливо и настороженно.

Уголки губ купца пошевелила тень усмешки.

– Император заставил, – сказал он.

– Значит, глупый был анператор, мудреца загубил... – заключил вслух гусяр.

В глазах купца блеснуло слабое подобие улыбки.

– Не из самых толковых, – сказал он.

Нежата сыграл излюбленную свою песню о Соловье Будимировиче. Клавдий смотрел сквозь него, иногда поводил бровью или плечом и прихлёбывал заморское вино.

– А знаешь, музыкант... сыграй мне лучше из псалмов Давида, – сказал он наконец.

Псалмы Нежата знал, но не играл их уже года три. Он начал с некоторым волнением, и, хотя пальцы его и голос становились всё уверенней и уверенней, вместе с тем и волнение нарастало. Он спел двенадцатый псалом и перешёл по просьбе Клавдия сразу к семнадцатому. К тому моменту гуслею уже казалось, будто в его, Нежаты, сердце вдруг открылся тёмный колодец, и сам он шаг за шагом опускается туда.

«Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня;

Цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня.

В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от чертога Своего голос мой, и вопль мой дошёл до слуха Его».

На этих строках Клавдий впервые улыбнулся. Нежату же уже почти бросало в дрожь. Он допел семнадцатый псалом и спел двадцать первый. После этого греческий гость от души одарил его серебром и попросил навеститься еще раз через день.

Гуслеяр навещал Клавдия три недели. На первой он играл псалмы. Купец был мрачен и немногословен, но, кажется, немного оживал при звоне струн. Каждый раз он дарил юношу серебром.

На вторую неделю купец чуть приободрился. Его лекарь-сириец был очень признателен и просил продолжать навещать их. Впрочем, гуслеяр и сам проникся к хмурому греку приязнью, да и деньжата были не без надобности. Клавдий стал уже более разговорчив, но о жизни своей говорил очень мало, а больше пересказывал стихи поэта Овидия, написанные тем в изгнании. Нежата подбирал к ним музыку и пел.

*«Скоро вода захлестнет эту душу живую, и воды
Тщетно взывающий рот влагой смертельной зальют.
Но лишь о том, что я сослан, жена моя верная плачет,
О злосудное одно знает и стонет она,
Только не знает, как нас в безбрежной бросает пучине,
Как устремляется шквал, как уже видится смерть.
Слава богам, что отплыть я с собой не позволил супруге,
Истинно, вместо одной две бы я смерти познал.
Если погибну теперь, но ее не коснется опасность,
То половина меня, знаю, останется жить».*

– Моя жена умерла, родив мне младшего сына. Это было три лета назад, – сказал Клавдий сухим и скучным голосом, прервав певца на упомянутых строках. Но чем дальше он продолжал говорить, тем меньше холода и больше горечи было в его словах, – Я оправился от горя быстрее, чем ожидал. Я отплыл в Новгород, посетил Киев, Варну и Трапезунд. И вот, тридцать три дня назад, мне приходит письмо, что мой брат был отравлен в Константинополе. Я полагаю, Бог меня испытывает... но ведь я, чёрт возьми, не Иов! Когда пришла та весть, я начал считать дни. Пока что каждый мне дается тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.